

ЕЛЕНА ТРЕТЬЯКОВА
ЛИНА ЛЕМАНН

Лина Леманн

Пять секретов моего мужа

«Литнет»

2024

Леманн Л.

Пять секретов моего мужа / Л. Леманн — «Литнет», 2024

— Он что-то скрывает, — шепчет мне медсестра. — Такой красавчик, обеспечен и свободен? Смотри-смотри, какой разворот плеч, какой фасад, какая фактура, ммм. С таким горячим взглядом мне и сын его не помеха. Интересно, какая дура его прошляпила? Я незаметно снимаю кольцо с безымянного пальца, потому что забыла сделать это утром. Я — как раз та дура и одна из его тайн. Шестая. Но первые пять мне ещё предстоит узнать. Против моей воли. Каждый из них соглашается на фиктивный брак по своим причинам. Он - чтобы спасти сына. Она - чтобы спастись от врага детства. Это должны были быть короткие отношения. Но чем больше она узнает его, тем больше ненавидит. Или... влюбляется? История про врача <3

© Леманн Л., 2024

© Литнет, 2024

Содержание

Пролог	5
Глава 1	7
Глава 2	9
Глава 3	12
Глава 4	15
Глава 5	18
Глава 6	21
Глава 7	23
Глава 8	25
Глава 9	27
Глава 10	29
Глава 11	31
Глава 12	33
Глава 13	37
Глава 14	40
Глава 15	43
Глава 16	45
Глава 17	47
Конец ознакомительного фрагмента.	48

Пролог

Юля

Некоторые спины настолько выразительные, что ты узнаешь по тылам человека даже спустя много лет.

Что это? Интуиция? Внутренняя тяга?

Я смотрю на спину человека, в которого была влюблена всю юность, и не понимаю, какого черта он делает здесь? Не просто в этом городе, но еще и в моей больнице?!

Рядом с ним стоит мальчик лет десяти с прямыми каштановыми волосами, как у отца. Он с любопытством озирается на взрослых явно пытаясь понять, что он здесь делает.

Ах, если бы он знал, что даже мы, взрослые, не в курсе, зачем нас сюда притащили.

Официально это называется «Открытие перинатального центра. Явка всем обязательна, будут журналисты и федеральный канал».

Вот мы тут и стоим, натянув улыбки на лица, как латексные перчатки слишком маленького размера на руку. Еще хоть миллиметр — и лопнет.

— О, Юленька Елисеевна, очень рад, что и вы здесь! — выводит меня из задумчивости ласковый голос главного врача, он же главный гад, собравший нас на сие бессмысленное мероприятие, из-за которого были отложены две плановые операции.

— Да, Валерий Александрович? — поворачиваюсь к главному врачу с фирменной, годами отточенной улыбкой, которую многие мужчины из моего профессионального окружения почему-то считают оскалом.

Лицо главврача на миг перекашивается. Но он быстро берет себя в руки и нагло хватается за локоть стоящего неподалеку мужчину. Именно того, который любовь всего моего детства. Который с сыном своим стоит.

И Дима оборачивается. Я задерживаю дыхание, несколько секунд всматриваясь в изменившиеся черты мужчины. Да, на лбу прорезалась морщина, как и мелкие по углам серо-синих глаз. Да, задорный огонь погас, зато на его месте разбушевалось торнадо, которое заставляет меня сжаться в комочек от строго взгляда.

— Юля?

Торнадо в его глазах успокаивается, как будто кто-то сдул его, как задувают свечу на праздничном торте.

— Дима? — разлепляю губы я, потому что уже срочно требуется что-то сказать.

— Это наш новый юрист Дмитрий Сергеевич, — радостно сообщает Валерий Александрович, игнорируя, что мы и так знакомы. Он оборачивается на сцену. — А, ладно, потом поговорим. Дим, умоляю, дождись меня здесь, чтобы я представил тебя на внутреннем собрании, сразу после официальной части.

Главврач протискивается через толпу к сцене, а мы с Димой стоим, глядя друг на друга, и не зная, что сказать.

— Па-а-ап, — тянет мальчишка, дергая Диму за пиджак. — Я хочу пить.

— Подожди, Тим, я же говорил, что нужно быть терпеливым, — не глядя на сына, отвечает Дмитрий.

— Здесь не с кем даже поговорить, — удрученно выдыхает мальчик.

Рядом щелкает вспышка. Я жмурюсь, прикрывая рукой глаза. Отступаю шаг назад и, подвернув ногу, неловко заваливаюсь на Диму, придерживаюсь за его руку, чтобы не рухнуть на землю. Благо, что и он меня быстро подхватывает, удерживая от падения.

— Это для новостной сводки, — сообщает взявшийся из ниоткуда журналист. — Нам нужно показать, что семьи приходят вместе на открытие перинатального центра!

— Эээ, нет, — выдаю я, но журналюга растворяется в толпе, как антибиотик в физрас-творе. Вроде уже не видно, а осадочек остался. Поворачиваюсь к Диме. — Извини.

— Ты не виновата. Слушай... — он осекается, потому как в динамиках раздается оглушающее:

— Всем здравствуйте! Дорогие гости, мы собрались здесь в такой важный день по особому поводу. Открытие перинатального центра! Позвольте уступить микрофон нашему главному спонсору Василию Ильичу Петковскому!

Дима выпускает мой локоть, я пытаюсь отодвинуться подальше. Моя неуклюжесть добавила неловкости между нами. Отворачиваюсь с преувеличенным энтузиазмом, приготовившись слушать долгую и занудную речь.

Валерий Саныч уступает место высокому мужчине лет сорока пяти, в светло-сером костюме. Именно его симпатичное мужественное лицо с ямочкой на подбородке встречает меня по утрам на билбордах по дороге на работу «Голосуем за правильные ценности» и далее по тексту.

Примерно через минуту пафосной речи о чудесной жизни, которая нас всех ждет, мой мозг отключается, и я бессмысленно блуждаю взглядом по лицам свиты, держащейся на другой стороне сцены. Мужчины и женщины в дорогой одежде, далекие от проблем мира сего. На всех из них солнечные очки, потому как день выдался очень жарким, погода не подкачала.

— А теперь время выйти той, ради кого я поддержал этот проект. Эля, моя дорогая жена, надеюсь, скоро станет пациенткой этого центра.

Из толпы богатеев властной походкой выходит женщина. На ней светло-серое облегающее платье, оттеняющее смуглую кожу, на огромных бриллиантах в колье и сережках искрится августовское солнце. Женщина поднимает очки на макушку, убирая длинные черные прямые волосы за спину. Подходит к мужу, который сразу же кладет руку ей на талию, и поворачивается к публике всем корпусом.

В моей жизни нет места сказке. Если и встретишь прекрасного принца, до где-нибудь неподалеку обнаружится местная ведьма, злая-презлая. Только в нашем случае еще и до оскомины красивая. Как была картинкой в детстве, так и осталась.

Что сводная сестра стала женой депутата, я не удивлена. А вот то, что она рассуждает о семье, улыбаясь всем, не поверю никогда. Слишком она всегда любила себя, холила и лелеяла, потакаемая моей мамой. Что такое забота о других, сопереживание, внимание, Эля и не знает.

Наши взгляды встречаются как два разнополюсовых магнита. Эля сбивается в середине слова «репродуктивный», словно приключилась неожиданная ямка на идеально гладкой дороге к богатству и роскоши.

Цирк уехал, мы остались.

Я делаю несколько шагов назад, инстинктивно пытаюсь стать незаметной, скрыться, но меня пихают в спину. Слишком много народа на открытии. Неожиданно моего предплечья касается чужая рука.

— Уже уходишь? — Дима нагибается ко мне, чтобы услышать ответ.

— Пора, дела не ждут, — бросаю я, ныряя в толпу и чувствуя меж лопаток нестерпимо зудящий взгляд. Или даже два.

Глава 1

Осень. Октябрь

Если мой день рождения приходится на рабочие сутки, что-нибудь обязательно случится. Едва успело пробить полночь, и я задула свечу с цифрой тридцать один, как раздаётся оглушающий звонок.

— Доктора Салтыкову срочно в операционную номер три!!! — истерично верещит динамик.

Со вздохом откладываю бенто-тортик, крепкий травяной чай и пластиковые тарелку с вилкой. Накидываю халат и быстро покидаю приятный полумрак и одиночество ординаторской. Уже по дороге ко мне подлетает дежурная медсестра Елизавета Васильевна, суёт историю болезни с результатом обследований. Одновременно с этим она тараторит:

— Острые боли в правой подвздошной области, по УЗИ аппендикулярный перитонит.

Елизавета, моя операционная медсестра, помогает мне застегнуть хирургический костюм и натянуть перчатки. Мальчик уже лежит на операционном столе. Наш вечно веселый анестезиолог, Валентин Елизарович, с серьезным видом сидит во главе стола, регулируя дозу препарата.

Мне кажется смутно знакомым лицо ребенка, но обычно нервное настроение в операционной отвлекает от разглядывания. Выдыхаю и беру себя в руки, кто-то включает «Дорожное радио» и под привычный выдох Елизаветы Васильевны: «С Богом, дорогие», начинаю.

Операция проходит сложнее обычного. У мальчика особенное строение кишечника, поэтому мне приходится извернуться, чтобы грамотно провести манипуляцию. Ещё и перитонит добавляет проблем. Но это ничего. У меня был замечательный преподаватель, он гонял нас, своих учеников, в хвост и гриву.

Спустя час оставляю пациента на попечении медсестёр, переодеваюсь и иду в ординаторскую, откуда ожидаемо раздается храп. Почему-то именно наша комната отдыха так нравится всем врачам этой больницы. Тихонько забираю свой остывший чай и оставшуюся одинокую свечку: тортом уже кто-то угостился.

Иду на пост, где Елизавета Васильевна активно что-то пишет в журнале.

— Юлия Елисеевна, как хорошо, что вы не спите! — громко шепчет медсестра. — Этот мальчик, как бишь его... Так... — она перебирает планшетки с историями болезней. — Тимофей Дмитриевич. Сын нашего Дмитрия Сергеевича, юриста. Его бы проведать.

— Что, прям ночью? — удивляюсь и отставляю свою чашку в сторону.

— Да-да! Скажу по секрету, Дмитрий Сергеевич, хоть и простой юрист, дружит с нашим главным врачом, так что..., — она многозначительно округляет глаза и играет бровями. Видимо, таким образом пытается донести до меня всю важность моего маленького пациента для клиники.

Что ж, донесла.

— Хорошо, зайду.

Спать все равно не получится, поэтому иду по длинному коридору к нужной палате. Лишь мои шаги нарушают тишину. Становится зябко. Внутри шуршит тревожное предчувствие, хотя никаких предпосылок для этого нет. Я живу спокойно с тех пор, как сбежала от прошлого. Сбежала далеко, и ничто не сможет меня вернуть обратно.

В нужной мне палате тускло горит свет.

Тихо приоткрываю дверь.

Мальчик лежит на огромной кушетке и спит. Грудная клетка двигается размеренно. Все приборы показывают стабильное состояние пациента. Присаживаюсь на отодвинутый стул и только сейчас замечаю на тумбочке лежащую открытой затертую книжку «Сказки Андерсена».

Улыбаюсь. Хоть Тимофею десять лет, он все ещё равнодушен к сказкам. Это правильно, нечего детям быстро вырастать. Надо успеть помечтать.

Беру книжку. Когда-то у меня была такая же, с золотыми буквами и русалочкой на обложке. Помню, как её разорвали на моих глазах ради забавы сводный брат и его сестрица.

— Что-то не так? — раздается хрипло-сонный голос позади.

От неожиданности я вздрагиваю. Стоило предположить, что кто-то из родителей может быть в клинике, хотя обычно отцы редко здесь бывают. Они слишком заняты, чтобы заботиться о ребенке, поэтому чаще мамы. А уж если и они заняты сверх меры, то оставляют нянюшек.

— Нет-нет, — спешу успокоить. — Пришла убедиться, что пациент приходит в себя и его состояние стабильно, — откашлявшись, отвечаю профессиональным «суровым» тоном и встаю.

Одергиваю полы халата, тем самым сгоняя дурные воспоминания. Я взрослая и могу позволить себе что угодно, хоть сотню таких книжек.

Поворачиваюсь к Диме, невольно вытягиваясь и расправляя плечи.

— Спасибо, Юля, — он протягивает мне руку.

— Елисеевна, — машинально поправляю, отвечая на рукопожатие. Моя маленькая ладошка тонет в его огромной.

— Помню. Но здесь мы одни. — Он улыбается устало, но искренне.

Я медленно втягиваю воздух через нос. Дима и без того огромный, метр девяносто и широкоплечий, а при приглушенном свете похож на великана. В синей футболке и простых серых спортивных брюках. На щеках трехдневная щетина, под серыми глазами залегли тени, а кожу вокруг испещрили морщинки. Впрочем, следы усталости его не портят. Передо мной стоит по-настоящему красивый мужчина. И даже след от подушки на щеке не смог его испортить.

Мы снова смотрим друг на друга, как только что прозревшие слепые.

— Тимофей вот-вот должен отойти от наркоза, — решаю уточнить, чтобы тишина была не такой тяжелой.

— Я, можно сказать, воспользовался служебным положением. Но я рад, что мой сын попал именно в твои руки.

— Ясно, — устало хмыкаю.

Ясно, что пора бежать. От неловкости, от близкого присутствия Димы, от прошлого.

— Па, — мы оба вздрагиваем, оборачиваясь к кровати.

Дмитрий быстро подходит к сыну. Я отхожу в сторону. Мне давно уже привычно видеть эмоции, которые проявляют родители к детям, но каждый раз ком в горле.

— Я здесь, малыш. Как ты?

Тимофей обводит палату мутным от наркоза взглядом, смотрит на меня, затем на Дмитрия.

— Пап, ты нашел мою маму?

Глава 2

— Я думаю, мне пора, — говорю и тактично сливаюсь из палаты. Пусть отец с сыном разбирается сам.

Ночь выдалась относительно спокойной. И мне даже удалось поспать часок, после того как я с боем выставила дежурного травматолога из нашей ординаторской.

— Злая ты, Юлия Елисеевна, — хмурится спросонья Виктор Саныч Любимцев, когда я с радостью пшикнула в него из пульверизатора холодной водой. Он садится на диване, потирает лицо.

— То есть ты схоямчил мой торт, не поздравил меня с днём рождения, занял мой диван, а злая я? С чего это? — цежу. Ругаться среди ночи мне не хочется, понимаю, что я не одна сегодня на сутках.

— С того, что мужика у тебя нет, — заявляет Витя и в пару шагов сокращает расстояние между нами.

— Знаешь что, Любимцев! Есть у меня мужик или нет — не твоего ума дело! Или ты себя в кандидаты предлагаешь? — оправившись от возмущения, я позволяю себе ехидную улыбку.

Любимцев у нас в больнице известный ходок. Только, по слухам, от женщин не сам уходит, а они от него. По причине его мужской несостоятельности. Но мы все делаем вид, что не в курсе «таких» мелочей.

— А что? Я мужчина в самом соку. Помогу скрасить твои одинокие вечера, доем твой торт, найду для тебя место на нашем диване, — Витя подходит ещё ближе, и сердце срывается в аритмию. Не потому, что он мне нравится, наоборот, мне противны такие подкаты, меня выворачивает изнутри. Ладони сами потеют, против воли, хотя я была уверена, что смогла подавить рефлекс, выработанные в юности. Ненавижу в себе эту слабость и тем более ненавижу Витю за то, что заставил вспомнить.

Улыбаюсь по-фирменному стервозненько и отрезаю:

— Это же сколько вам, Виктор Саныч, надо Виагры закупить, чтоб качественно скрасить мои вечера? Боюсь, не потянете материально.

Надо отдать должное Любимцеву он умеет держать удар. Хохочет громко и отступает от меня.

— Ну ты, Юлька, и стерва! Я восхищен! Но замуж тебя не возьмут. Кто же захочет такую змеюку дома держать? Но уела ты меня красиво. Целую ручки, — он, всё ещё посмеиваясь, расслабленной походкой выходит из ординаторской.

А я достаю из шкафчика свой любимый плюшевый плед и небольшую подушку, укладываюсь на жесткий диван.

Слова Вити про замужество меня задели. В тридцать один год почти каждый знакомый задает мне этот вопрос: мужчины во время подката, чужие подружки на общих женских посиделках. Не понимаю, почему всех так интересует моя личная жизнь? Своей мало, что ли?

Но уплывая в сон, я вспоминаю серые глаза Димы и слова его сына про маму.

Утром успеваю заскочить к своему пациенту перед тем, как сдать смену. И очень надеюсь не встретиться в палате с Дмитрием.

Мне как-то неловко после того, что заявил Тимофей, придя в себя после наркоза. Хотя кто чего только не городит и под наркозом, и после. Были у меня пациенты, которые пели песни, а потом оказывалось, что в здравом уме они их и не знают. Были такие ребята, что хохотали, приходя в себя после операции, или ревели белугами. Некоторые придумывали, что летали с феями, или утверждали, что гладили динозавров. Всякое бывало. Но чтоб заявлять, что я снилась и не только во время воздействия наркоза, но и раньше — такое впервые.

Однако я испытываю облегчение, когда обнаруживаю, что Тимофей в палате один. Он спит, и я не бужу его. Температуры нет, умеренная бледность и спокойное дыхание — значит, пока его ничего не беспокоит. Скоро придёт медсестра и возьмёт кровь на анализы, лечащий врач посмотрит шов, проконтролирует лечение, медсестры обеспечат комфортное пребывание и маленькому пациенту, и его папе. А моё дежурство закончено, и пора уходить. К моей следующей смене здесь их уже выпишут. А с Димой мы не пересечемся еще какое-то время.

Смены в коммерческой клинике я беру только в свободное от работы в государственной больнице время. Для опыта, для денег, конечно же, но хоть меня и зовут на постоянку, я считаю себя обязанной отработать в обычной больнице.

В ординаторской непривычно шумно. Елизавета Васильевна организовала всех, чтобы меня поздравить. Это неожиданно мило и приятно, разгоняет мрачные тучи моего настроения. Мне вручают букет белых мелких роз и конверт с деньгами, собранными среди врачей и медперсонала. Премия от руководства мне выдали вместе с авансом. Это было очень кстати. Я ещё вчера купила продуктов и сейчас вместе с Елизаветой Васильевной и парой медсестер ночной смены быстренько организовываем стол.

Даже Любимцев приходит и приносит небольшой, но милый букет розовых георгин и бенто-тортик с надписью «Ведьмы не стареют».

— Один-один, — Витя целует меня в щеку и отчаливает к столу, попутно щипая Олю из травмы за попу. Та с хихиканьем бьёт его по руке.

Довольная и почти счастливая, я выхожу из клиники уже ближе к двенадцати, прижимая к себе цветы и подарки. В планах заехать домой и поспать часов до пяти, а потом...

— С днём рождения, сестренка! — мужской голос, что раздаётся у меня над ухом, заставляет кровь застыть в венах, дыхание прерывается. Я каменею, не могу ни вдохнуть, ни выдохнуть. От теплого дыхания на ухе у меня подкашиваются колени и слабеют руки, я чуть не роняю на землю цветы. Но мужская рука цепко держит мой локоть, не позволяя упасть.

— Юлечка Елисеевна, ещё раз с праздником. До свидания, — шепчет медсестра из неврологии, покидая клинику.

Это приводит меня в чувство. Я сжимаю сильнее цветы и разворачиваюсь лицом к Артуру, резко стряхиваю его ладонь с моего локтя.

Мы не виделись столько лет, и наверное, он здорово изменился, но я узнаю его с первого слова. Страх и ненависть волной поднимаются во мне, мешая мыслить спокойно.

Отступаю на пару шагов, интуитивно желая увеличить расстояние между нами, отгораживаюсь цветами, хотя из них слабенький щит. Рассматриваю Артура в упор. Он улыбается и делает вид, что рад меня видеть, только глаза смотрят холодно и оценивающе.

— Рад тебя видеть, сестрёнка, — Артур голосом выделяет последнее слово, и меня передёргивает.

— Зато я тебя нет. Как ты меня нашёл? — сухо чеканю. Где проколалась? Какие дыры своей обороны надо подлатать, чтобы всякие подобные люди не объявлялись на моем горизонте?

— А я и не терял, — он стоит напротив, засунув руки в карманы пиджака, и мерзко кривит губы в усмешке. — Просто пришло время встретиться.

— Зачем? — хотя вопрос скорее к себе самой.

В голове крутится мысль: может быть, что-то с мамой?

— Ну как зачем? — Артур растягивает тонкие губы в змеиную улыбку. — Соскучился. Вспомнил, что где-то живёт моя любимая сводная сестрёнка.

— Что тебе от меня надо? — я повышаю голос. Можно, конечно, гордо уйти, но если один раз этот мерзавец меня нашел, то в следующий раз точно найдет, если сразу не выяснить все.

На крыльце за моей спиной о чём-то громко спорят люди. Я оглядываюсь, замечаю за стеклянными стенами охрану и далее мелькает мысль броситься обратно в здание под защиту стен и людей на посту.

— Даже не думай, — шипит Артур, опять приближаясь ко мне вплотную. Меня обдает резким ароматом его одеколона, от которого задохнуться можно. — Всё равно достану.

— Зачем? Зачем ты опять появился? — смотрю в упор в его чёрные глаза. Некогда много девчонок сходило с ума от Артура, но мне он никогда не нравился.

— Я собираюсь получить то, что мне принадлежит!

Глава 3

— Ты ошибся адресом, — как можно равнодушнее отвечаю. Делаю вид, что меня не пугают его слова, не интересуют его умозаключения. Лицо Артура мгновенно наливаясь кровью. — У меня нет ничего, и никогда не было, что принадлежит тебе.

— Ты ошибаешься, детка, — вкрадчиво шепчет он, резко притягивает к себе и шумно втягивает мой запах, небрежно касается губами щеки. Цветы хрустят от его напора. Я резко отталкиваю его и пытаюсь вклепить пощечину, но Артур успевает перехватить мою руку. Сжимает мою кисть до боли, но я не подаю виду.

— Больше никогда ко мне не приближайся!

— А то что? — роняет Артур надменно, резко отпускает, разворачивается и демонстративно щелкает брелоком. Стоящий рядом, прямо на территории больницы, суровый БМВ отвечает сигналкой. Больше я за ним не смотрю и возвращаюсь в здание на ватных ногах, чтобы уйти домой, когда горизонт будет пуст. Что-то мне подсказывает: Артур ещё появится. Страшно представить, как он меня нашёл и что мне теперь делать.

— Что-то забыли? — любезно интересуется охранник на посту.

— Да-да, — отрешенно отвечаю, встаю так, чтобы с улицы не было видно, что я наблюдаю. БМВ с ревом срывается с места, как будто у её владельца задница горит.

— Нет, ну БМВ — это диагноз, — цокает языком охранник.

Это вызывает у меня улыбку и немного расслабляет.

Направляясь к автомату с кофе — подожду ещё минут пятнадцать, — с сожалением собираюсь налить третью чашку за эти сутки. А они начались совсем недавно.

— Позволь, я тебя угощу?

Моего плеча легко касается чужая рука, но я подпрыгиваю от неожиданности и чуть не роняю букет.

— Прости, я напугал тебя?

«Да сколько можно вопросов?!» хочется крикнуть мне, но я лишь улыбаюсь и медленно разворачиваюсь, чтобы отказать, только...

— А давай, — соглашаюсь неожиданно для самой себя.

Мой коллега и друг по работе, врач-терапевт Ростислав расплывается в радостной улыбке, что звезды Голливуда позавидуют, а я вижу на заднем фоне Дмитрия, который идет с шикарной молодой женщиной под руку. Неужели это мама Тимофея? Если так, то сын на неё совсем не похож.

— Здесь или...? — быстро сориентировался Ростислав. — Хотя лучше в местном кафе.

— Пожалуй.

Ростислав из того рода красавцев, которые об этом знают и ежеминутно пользуются. Эритроциты оседают медленнее в осадке крови, нежели очередная дурочка влюбляется в Ростислава. Его улыбка, обращенная к женщине, у каждой вызывает микроинфаркт.

Благо у меня срабатывают внутренние предохранители. Мне кажется, я уже не способна влюбиться. Мое сердце давно замерзло и очерствело, а учёные и вовсе доказал, что любовь — это просто всплеск гормонов.

Тем более Ростик коллега, хотя несомненно хорош. Старше меня на шесть лет. Статный, обаятельный.

Он заказывает нам кофе. Уже знает, какой я люблю, не спрашивая.

— У тебя сегодня день рождения, а мне не сказала. Как празднуем? — глядя мне в глаза, вкрадчиво спрашивает Ростислав.

Он вообще любит говорить таким тоном постоянно, чем иногда раздражает. Постоянно кажется, что он всегда что-то еще имеет в виду, а что — должен догадаться сам. Только я терпеть не могу догадываться.

Я хмурюсь. Дурное настроение после встречи с Артуром не желает растворяться. Увы, Ростик не мой анестетик.

— Я не люблю праздновать, говорила же неоднократно. И подарки мне не нужны.

— Ну-ну. Торт и цветы совсем не подарки, — Ростик кивает на коробку. — Да и шум был на вашем отделении такой, что захотелось узнать, в чём причина. Уж не поверил, что в твою честь.

— Ах это. Не знаю, кто спалил контору, — отмахиваюсь, игнорируя лукавую улыбку Ростика.

Я ненавижу свой день рождения с тех пор, как мне исполнилось шестнадцать.

В тот день в нашем доме была вечеринка. Разумеется, не в мою честь. Это было частым явлением, когда отчим и мама уезжали в отпуск. Меня хотели взять с собой, но я отказалась: не любила, когда меня выделяют. Потому что мне из-за этого ой как доставалось.

Артур позвал весь свой класс из элитной школы, те позвали друзей, а те позвали своих друзей. В общем, толпа была огромная. Пьяные и богатенькие подростки. Не удивительно, что соседи вызвали ментов. Хотя только после двух ночи: моего отчима побаивались.

Мне было шестнадцать... Сводные никогда не звали меня на свои тусовки. Я никогда не была, да и не хотела быть им ровней. Не носила дорогие тряпки, усердно училась и часами играла в подвале, который был обустроен специально для меня, на пианино. Мечтала стать композитором. В ту ночь я уже легла. Трое ворвались в подвал. От них разлило потом и алкоголем. Двое схватили меня, натянув какую-то кофту на голову, а третий... От него воняло дорожным одеколоном отчима, да так, что глаза слезились от одного запаха. Наверное, он своровал в родительской спальне и вылил на себя весь флакон.

Все трое похабно посмеивались и пускали дурацкие шуточки. Им было все равно на мои слёзы и мольбы остановиться. А потом что-то произошло. Началась потасовка, видимо, они решали, кому я достанусь. Меня отпустили, и я выскользнула из комнаты, благо знала её на ощупь. Выскочила из дома, пронеслась за ворота и бежала, куда глаза глядят. Остаток ночи провела в круглосуточном магазине.

Надо ли говорить, что никому ничего за это не было?

Мы оба молча пьем кофе. В очередной раз проникаюсь уважением к Ростиславу, что он ничего у меня не выпытывает, хотя его тоже накрывают тучи моего настроения.

— Может, отметим потом вдвоем? Я знаю отличный ресторанчик, джаз, ты и я. О, или лучше клуб! Как же хочется оторваться и с тебя пыль стряхнуть, — радостно предлагает Ростик и смахивает чёлку со лба.

— Ну, мне пора, — спустя минут десять Ростиковских излияний о жизни сообщаю и бодро вскакиваю.

— Так мы празднуем или как? Заехать за тобой вечером? — спрашивает Ростик с надеждой в голубых глазах, которые кому-то напоминают льдистые озера, а мне Силденафил для потенции.

— Я тебе позвоню. Наверное, — дежурно улыбаюсь и сбегая.

Дружить с Ростиславом интересно, но иногда его попытки перевести отношения из рабочей плоскости во что-то личное напрягают.

Вечером, когда я медленно потягиваю белое французское вино, раздаётся телефонный звонок. Я уж думала, что Ростик уйдёт надоело, но увы.

— Юленька Елисеевна, спасай. Юрик чем-то траванулся, не выйдет завтра. Очень нужна замена! Скажи, что у тебя завтра нет суток?! — произносит с напором наш заведующий отделением.

— Нет, суток у меня нет, — медленно произношу, подписывая себе приговор. Рабский труд — это по-нашему.

— Жди премию! Ну, до завтра!

После операций у меня обход пациентов, и Тимофей значится в этом списке. Его я оставляю напоследок. Не понимаю, почему он заговорил про маму? Наверное, последствия анестезии. Или отношения между родителями сложные? Но мне совсем не хочется разбираться во всех этих хитросплетениях. Не тогда, когда это касается Дмитрия.

— Привет-привет! Как ты себя чувствуешь? — захожу в палату к Тиму. Он играет на планшете в какую-то шумную стрелялку.

— Ой, здрасте! — улыбается мне искренне.

Я осматриваю шов, отмечаю показатели приборов в истории болезни. Мальчик быстро идет на поправку.

— А у вас есть муж? — вдруг спрашивает Тимофей.

Я неловко улыбаюсь, но не вижу смысла юлить. Придерживаюсь принципа, что даже детям не стоит врать без острой необходимости.

— Нет.

— А дети?

— Тоже.

— А вы готовить умеете? — не унимается Тимофей.

Мне становится неловко от его напора и прямолинейности. Но и обидеть его грубым ответом не хочется.

— У меня мало времени на это, но в целом умею.

— И детей любите? — мальчик выглядит серьёзным, даже планшет отложил.

— Люблю, иначе бы не стала детским хирургом.

Скрипит дверь, и заходит Дима, подходит к кровати сына. А Тимофей, глядя на меня, смело произносит на выдохе:

— Юлия, пожалуйста, станьте моей мамой.

Глава 4

Так, жизнь меня к такому не готовила.

Я недоуменно моргаю и выгляжу сейчас, наверное, как сова спросонья. И что сказать, не знаю, и как реагировать, тоже. Чувствую, что Тимофей не шутит.

Зато Дмитрий ориентируется быстрее и спокойно, но весомо заявляет:

— Тим, мы же вчера обсудили с тобой эту тему. И мне показалось, что поняли друг друга.

Мальчик немного тушует, но не настолько, чтобы отступить от своей идеи.

— Пока ты будешь что-то думать и собираться с мыслями, Юлю точно кто-нибудь уведёт! А я совсем останусь без мамы! — в конце он тяжело вздыхает. И не похоже, что притворяется.

Мне становится жалко ребёнка. Судорожно ишу подходящие слова, чтобы пожалеть и отвлечь Тимофея, но Дмитрий меня опять опережает:

— И об этом мы с тобой говорили. В дела взрослых ты не лезешь.

— Так я и не лезу! — возмущается Тим. — Я свои дела устраиваю! — мальчик хмурит брови и поджимает губы. Один в один, как его папа, который стоит рядом и строго смотрит на сына.

Внезапно Дмитрий цепляется взглядом за меня.

— Юлия Елисеева, мы можем переговорить где-нибудь в спокойном месте? — с тяжелым вздохом обреченного на «тот самый» разговор спрашивает он.

Тимофей довольно улыбается, «незаметно» мне подмигивая, а я судорожно пытаюсь найти отговорку. Интуиция подсказывает мне, что ничего хорошего я сейчас не услышу. Никаких дел между мной и Дмитрием быть не должно.

Но Тимофей, видя мои колебания, складывает руки в молитвенном жесте и умильно смотрит жалостливыми глазками.

Вот ведь!

Ладно, это всего лишь разговор. Это ничего не значит.

Дмитрий тем временем распахивает дверь в коридор и всем своим видом показывает, что ждёт меня.

— Вряд ли мы сможем спокойно поговорить в стенах клиники. Так, чтоб без свидетелей, — Дмитрий решительно направляется к пожарному выходу. — Если ты не против, то можно сесть в мою машину. Она на парковке.

— Нет, — судорожно выдыхаю.

Еще чего не хватало! Средь бела дня под камерами и кучей любопытных взглядов садиться в машину к Дмитрию. Ну и что, что он коллега, так он еще и отец моего маленького пациента. Хватит с меня и вчерашней встречи с Артуром.

При воспоминании о сводном брате у меня холодок бежит по спине. Я начинаю подозревать Дмитрия во всех смертных грехах и уж тем более не собираюсь садиться к нему в машину.

— Лучше просто на улице поговорим. Но недолго. Меня пациенты ждут, — говорю твёрдо, получается конечно же не очень.

На парковке тихо и пусто. Курилка для врачей находится за углом. Посетителям курить на территории клиники запрещено. Поэтому нас никто не потревожит и не подслушает.

— Я хотел прежде всего извиниться. Тимофей весьма непосредственный ребёнок, — начинает Дмитрий.

Я пожимаю плечами. В моем детстве это называлось невоспитанностью, и мама бы строго меня наказала, если бы мне, не дай бог, пришла бы мысль выкинуть что-то подобное. Хотя сводным и не такие выходки спускались с рук. Их мама как раз-таки прикрывала перед отчимом, играя роль любящей и понимающей мачехи.

— Напоминает тебя в детстве, — равнодушно замечаю, а сама смотрю на его реакцию.

Дмитрий улыбается, сверкнув серыми глазами.

— Да, думаю, ты права. Но не хотелось бы, чтобы он повторил хотя бы часть того, чем мы занимались.

— О да, вы с Артуром были отличной командой на счёт всяких... шалостей, — последнее слово постаралась не выделять, но все равно Дмитрий замечает.

— Н-да. Кстати, вы общаетесь?

— С Артуром? Ни за что! — восклицаю чересчур эмоционально. Хмурюсь и добавляю: — А вы?

— О нет, мы перестали, когда я уехал учиться. Тогда все поменялось, — добавляет Дмитрий.

— Ясно, — быстро успокаиваюсь. Нечего так обнажать свои чувства.

— Мне не хотелось бы, чтобы ты решила, что Тим избалованный пацан, который решил вместо новой игрушки заполучить маму.

— Я так не думаю. Тимофей выглядел искренним, когда просил стать его мамой. Значит, эта тема для него болезненна, раз уже выплескивается во все стороны.

Но точно не мне с этим разбираться.

— Я один воспитываю сына. С рождения. И к сегодняшнему моменту он никогда не требовал маму. Поэтому когда он вчера заговорил со мной на эту тему, я попытался всё ему объяснить. Мне показалось, что я сумел договориться с сыном.

Я слушаю Дмитрия молча. Интересно, черт, узнать, какой он теперь. Этот человек не привык извиняться и оправдываться. И за то, что он сейчас что-то мне пытается пояснить, я его капельку уважаю. Пытается действовать разумно, понять сына, не давить...

— Дело в том, что я действительно ищу достойную мать для своего сына. Сейчас обстоятельства требуют от меня жениться, несмотря ни на что. Я хочу убить двух зайцев и предложить эту роль тебе, Юлия. Формально. Уверен, когда Тим станет подростком, он поймет наш развод через год-другой, но и мои дела будут решены.

Я прикрываю рот рукой, потому что губы невольно раскрылись от шока. Столько слов — и ни одного культурного — рвутся наружу. Но я сдерживаюсь, позволяю Дмитрию договорить.

— Это, конечно же, шутка?! О таких вещах просто нельзя говорить всерьёз!

— Почему нет? У нас будет взаимовыгодный союз. Я тебе дам все, что требуется: дом, деньги, безопасность. А взамен хочу, чтобы занималась сыном и мы все создавали видимость семьи. И только.

Мысленно хмыкаю. Зря я только что нахваливала изменившегося Дмитрия. Никакой он не понимающий, никакой он не разумный. Привык получать всё, что хочет, и сына таким же растит.

— Дим, не знаю, какие проблемы у тебя с матерью Тимофея. И даже знать не хочу: своих проблем хватает. Но «играть в маму» я не стану. Если видишь, что не справляешься с сыном, обратись к психологу. Приводить чужую женщину в дом под видом мамы не лучший выход.

Разворачиваюсь, собираясь уйти. И зачем я все это слушала? Усталость во мне говорит, не иначе.

— Мне кажется, мы с тобой не поняли друг друга, — летит мне в спину.

— Я думаю, что тебя-то я поняла, а вот ты меня нет.

Открываю тяжёлую металлическую дверь и захожу в здание, позволяя той громко хлопнуть.

Дмитрий не идет за мной. Наверное, обиделся за отказ.

Но я действительно в шоке от его предложения. Выйти замуж по расчету на пару лет — чего только людям в голову не придёт.

Весь день на нервах, операция была очень тяжелая. И только я присаживаюсь в ординаторской на диванчике, вытянув ноги, как меня вызывают на пост.

— Юлия Елисеевна, вас срочно требуют в палату номер четыре! — тараторит мне медсестра.

У меня сердце уходит в пятки. Это же палата Тимофея! Неужели что-то случилось?!

Глава 5

Влетаю как ошпаренная в палату и вижу, что он плачет.

Присаживаюсь на край кушетки, трогаю его за плечо.

— Эй, Тим, что случилось?

Ребенок шмыгает носом, вытирает его рукавом и тихо говорит:

— Я никому не нужен.

— Это еще почему? Ты папе нужен, я в этом уверена!

Иначе бы не делал он такие предложения, да и не сидел бы с ним в больнице. Дима явно беспокоится о сыне.

— Но маме я не нужен! — шмыгает носом Тим.

— Это тебе папа так сказал? — хмурюсь.

— Нет, он просто о ней не говорит. Я мечтал, чтобы он сам мне о ней рассказал. Чтобы она приехала и обняла меня! Я мечтаю сбежать в какое-нибудь тайное место, и чтобы меня нашла именно мама... Чтобы она всегда знала, где меня найти, и находила...

И Тим рыдает пуще прежнего. Я обнимаю его крепко, прижимаю к себе.

— У меня есть свое тайное место, но я бы не хотела, чтобы меня там вообще хоть кто-то находил. Знаешь, бывают такие дни, когда воротит от людей. Особенно от мамы. Мы с ней не в лучших отношениях.

— Разве так можно? Ты не любишь свою маму? — искренне удивляется Тим.

— Люблю, просто это другое. Когда вырастешь, всё меняется в отношениях с родителями.

— Но мама нужна будет всегда! — уверенно заявляет мальчик. — Даже если ты все умеешь, мама должна быть. И просто любить.

— Наверное, — пожимаю плечами я.

Любить — это не про наши отношения с мамой.

— Все равно мне нужно тайное место. Вдруг мне оно когда-нибудь понадобится? Я потом бы своей маме о нем рассказал, раз вы моей не будете, хотя вы и хорошая. И красивая. Может быть, расскажете, где ваше тайное место?

— Пойми, малыш, просто так мамой не становятся. Но я могу стать тебе другом. И как друг, я тебе скажу, а могу даже показать, свое тайное место. Прямо сейчас, хочешь?

— Конечно! — последние слёзы высыхают на глазах Тима. Он быстро обувается, берет меня за руку, и мы идем на прогулку по клинике.

В одном из коридоров есть неприметное ответвление, приводящее к небольшому зимнему саду, который с любовью взращивается силами всех медсестер клиники. Даже скамейку кто-то притащил в угол за пальму, так что можно спрятаться от людей, когда совсем достанут.

— Я люблю приходить сюда подумать, когда мне грустно. Теперь ты знаешь и можешь тоже сюда приходить, — улыбаюсь пацану. Тот порывисто обнимает меня, прижимается до боли в ребрах.

— Спасибо!

— Только обещай возвращаться, куда бы ты ни ушел, ладно? Папа будет очень за тебя переживать.

Мы сидим еще минут пять, я провожаю Тима в палату и иду в ординаторскую. Время наконец-то поест, а то с этой работой я частенько забываю про обед.

Направляюсь к себе, размышляя о жизни, мимо сестринского поста. Девчонки как обычно о чем-то хихикают. Тишина, благодать. Даже странно.

— Где врач?! Срочно нужен врач! — визжит фальцетом высокий мужчина, выскакивая из палаты.

Девочки вытягиваются по стойке смирно, одна соображает быстрее и выскакивает из-за стола. Я подбегаю к мужчине.

— Я врач. Что случилось? — строго произношу, глядя в его покрасневшее лицо.

— Идемте! — лихорадочно отзывается он и распахивает дверь палаты.

Медсестра забегает следом за мной, готовая выполнять любые приказы или звонить в реанимацию. Я отключаю эмоции и окидываю взглядом помещение, ища того, кому срочно требуется помощь.

Однако в помещении только девочка лет одиннадцати, которая, закусив губу, играет в планшет. Светлые волосы растрепались, пальцы ловко бегают по экрану. На нас она не обращает никакого внимания.

— И? — холодно выдаю я.

Мужчина отчаянно машет на девочку и восклицает:

— Доктор, скажите, что Яночке нельзя столько в планшет играть! Она меня не слушает! У нее же глаза испортятся!

Медсестра кидает на меня озадаченный взгляд.

— Вы можете идти, — говорю ей тихо, а сама набираю в легкие побольше воздуха, чтобы провести мини-лекцию о том, что наводить суету в больнице запрещено без повода. — Как могу к вам обращаться? — медленно выдыхаю, сдерживая эмоции.

— Алексей...

Мужчина не успевает договорить, потому что его глаза округляются от ужаса, а меня через секунду толкают вглубь палаты увесистой грудью, и в ухо раздается в миллиард децибелов:

— Леша! А, Лешенька, опять к телкам клеишься в мое отсутствие? Девонька, свободна. Нечего к богатым мужикам подкатывать. У них жены есть.

— Простите, но я не девонька и уж тем более не телка, — цежу. Расправляю плечи, чтобы с гордым видом покинуть этих странных людей, но меня толкают в плечо.

— А кто ты, что с мужем моим обжимаешься, стоит только из палаты выйти?! Еще и при ребенке!!! Где ваш главный врач? Я хочу написать жалобу, чтоб вас немедленно уволили!

— Пишите, куда хотите и что хотите! — вспыхиваю я и пытаюсь обогнуть сумасшедшую дамочку. — Бумага все стерпит.

Только она хватает меня за плечо и принимается истошно орать:

— А ну стоять! Куда побежала, шалава бесхвостая? Пусть главный врач сюда придет и увидит эту срамоту! Тьфу!

— Не смейте меня трогать! — рычу я, скидываю пухлую руку. — Я сейчас же позову охрану, если вы меня не выпустите.

— И не выпущу! Здесь все будет так, как я скажу!

— Выпустите меня немедленно.

— Леночка, ну ты чего... — лепечет мужик.

— Заткнись, изменщик! Думаешь, я забыла, как ты ту куклу на пляже обхаживал?! Теперь здесь яйца выкатил.

— Охрана! — кричу я, заточенная между плюгавым мужиком и его дородной супругой. Что за день, а?

— У меня из-за тебя давление поднялось! Я пойду в суд и скажу, что вы меня довели! — визжит тетка, краснея на глазах. Видать, сама себя до гипертонического криза довела.

Где же хоть кто-нибудь адекватный?!

— В сторону отойдите, — врывается в этот дурдом спокойный ледяной приказ.

Тетка, раскрыв рот, отскакивает в сторону. Во главе мини-армии из двух охранников, одного санитара и медсестры стоит Дима. На нем идеально сшитый костюм, часы, и выглядит он как модель, а не юрист частной больницы.

— Юлия Елисеевна, — Дима смотрит на меня несколько секунд и протягивает руку. Я, отчего-то несмело, кладу свою дрожащую руку в его ладонь. Сумасшедшая баба готова преградить мне путь, но Дима останавливает ее легким и в то же время властным движением руки.

Мимо меня внутрь протискиваются охранники и санитар. Он берет дамочку за руку, усаживает, и я отворачиваюсь.

— Что случилось? — спрашивает Дима, когда мы выходим в коридор. Я наконец-то могу вздохнуть спокойно.

— Очередная психическая, — выдыхаю, обнимая себя и растирая руками плечи.

Да, я повела себя непрофессионально, с психами надо говорить максимально спокойно, чтобы они не напали на тебя, как дикие звери. Но у меня срабатывает триггер, когда кто-то хватается. Я просто не выношу этого с детства, мозг отключается, а эмоции берут верх.

Неожиданно на мою спину ложится теплая мужская ладонь. От этого простого действия меня прошибает током. Поднимаю глаза на Диму, он смотрит на меня в упор.

— Все в порядке? — тихо спрашивает он, и в его голосе мне слышится... нежность? Ну нет, бред. Руку, однако, убирать не торопится. А мы же на работе.

— Да-да, — поспешно заявляю и отхожу в сторону, чтобы остаться без его тепла. И защиты. — Мне пора, извини.

Глава 6

Дмитрий

Сегодня из отпуска вышла моя коллега, чему я одновременно рад и не рад. С одной стороны, делить кабинет с кем-то нет желания, с другой стороны, разбираться еще и с медикаментами — нет, уж увольте. Та еще головная боль!

Я перекладываю бумагу на столе под долгий-долгий взгляд соседки по кабинету. Ирина Гавриловна пожевывает кончик ручки и едва заметно ухмыляется, посматривая на меня как на племенного жеребца. К моему сожалению, обручального кольца на пальце у нее нет.

Ирина вскакивает с места и отточенной походкой от бедра направляется ко мне. Демонстративно задрала грудь и выпрямила спину, так сказать, показать товар лицом. Ресницы, покрашенные тушью, похожи на лапки паука, а губы покрашены в форме как у куколки. Вообще симпатичная она, миленькая, только чересчур активная.

— Давайте помогу, — воркует Ирина и усаживается прямо на стол рядом с моим плечом. В нос ударяет запах курева, тщательно прикрытый сладкими духами и мятной жвачкой. — Можно на ты, и тогда я просто Ирочка. — И глазками так хлоп-хлоп, а ресницы-предатели берут и слипаются, отчего Ирочка беспощадно дергает глазом несколько секунд.

— А как к тебе лучше обращаться? — продолжает она тоном сладострастной богини.

— Дмитрий, — как можно спокойнее отвечаю. На Димочку я не согласен. Мои руки прожигает женский сканирующий взгляд. Значит, у моей соседки плохое зрение, раз отсутствие кольца она не заметила сразу. — Мы с Вами будем делить один кабинет.

— Да-да, Валерий Саныч уже сказал, что тебя перевели к нам. Могу устроить экскурсию по клинике, — мурлычет она.

— Не стоит, я уже обжился.

Намеков на субординацию Ирочка не понимает. Мне приходится смириться.

— Жаль-то как. Ну ничего, ко мне можно обратиться абсолютно по любому вопросу. Обещаю помочь с чем угодно, — Ирочка наматывает прядь каштановых волос на палец.

Я только сухо улыбаюсь и молчу. Ирочка, осознав, что разговора сейчас не будет, как и встречных предложений, уныло плетется к своему месту и принимается перебирать бумажки. Очень скоро ей это надоедает и она утыкается в компьютер.

Только приходит время к обеду, как Ирочка вскакивает со стула.

— Ну все, Дмитрий, идем в кафе! Мы усердно поработали, теперь надо и мозг подкрепить. Идем-идем!

Я соглашаюсь. Ирочка порывается схватить меня под руку, но я гашу ее порыв одним взглядом. Под ее стрекотню мы идем к кафе.

В остальное время, находясь в палате с Тимом, неформально наблюдал за персоналом. В целом, что врачи, что медсестры действительно максимально приветливы и дружелюбны, а я пытаюсь улыбка увидеть их настоящих.

В глубине глаз прячется разное. Вот Ирочка, в лес не ходи, отчаянно пытается найти себе мужика, меня еще Валера предупреждал. А еще она совсем не дура, на такую должность юриста по лекарственным договорам дурочек не берут. Хотя верится в это сейчас, когда она все же повисла на моей руке, с трудом.

Так мы и заходим в кафе.

Взгляд невольно натывается на Юлю. Она, в голубом хирургическом костюме и белом халате поверх, стоит возле стойки с булочками и увлеченно болтает с местный ловеласом Ростиславом. Тот, в свою очередь, не отрывает от нее восхищенного взгляда, в котором читается искренний интерес.

Доходит их очередь к кассе, и Ростислав озвучивает заказ за двоих. Из-за него мне Юля отказала? Между ними отношения? Эта мысль неприятно режет по нервам. Валерий Александрович сказал, что они друзья. Быть может, их все же связывает что-то? И Юля равнодушна к нему? К тому, который ни одной юбки не пропускает? Я о Ростиславе уже наслышан.

Юля откидывает голову и громко смеется. Светлые волосы, собранные в хвост, падают ей на спину. Только сейчас замечаю, какой красивый у них оттенок. Настоящее золото, которое усталое осеннее солнце подчеркивает последними теплыми лучами.

Юля поворачивается ко мне. Невинная улыбка, украшающее ее лицо лучше любых драгоценностей, медленно тает. Гладкий лоб хмурится, а русая бровь удивленно приподнимается вверх.

Ты мне предложение сделал, а сам с какой-то бабой ошиваешься?

Я расслабленно складываю руки на груди.

Ты же не согласилась.

Юля прищуривает глаза.

Может, я передумаю.

Я медленно киваю.

Когда передумаешь, тогда и поговорим.

Юля отворачивается резко, я замечаю, как возмущенно раздулись ее ноздри, а хвост хлестнул зазевавшегося Ростислава. Он снова что-то говорит успокаивающее. Они вместе идут к столикам.

— Пойду в очередь. Что тебе принести? — максимально любезно интересуюсь у Ирочки. Она аж расцветает от счастья, потому что уже сама дернулась в очередь.

— Салатик из овощей, — мужественно произносит она.

Сам же я набираю в буфете солидную порцию еду. Как раз когда кладу салфетки на поднос, чувствую сзади шорох. Инстинктивно резко оборачиваюсь. Кто-то ойкает, я в последний момент успеваю подхватить чашку, но пара капель горячего напитка все равно попадают на кожу. Мысленно ругаюсь и встречаюсь с шокированными голубыми глазами.

— Ростислав забыл сахар, — тихо говорит Юля, как будто признается в грехе. Она стоит чересчур близко ко мне и часто дышит.

Этот Ростик уже чересчур меня раздражает.

Я молча сую Юле чашку и, забрав свой поднос, ухожу к Ире.

Глава 7

Остаток смены проходит спокойно. Но я то и дело возвращаюсь мыслями к нашему разговору с Дмитрием. Кручу его слова и так, и эдак, и не понимаю ровным счетом ничего.

Самое странное, теперь, когда я подумала, что его предложение не кажется мне таким уж ужасным, он уже с Ириной в кафе ходит. Когда гнев схлынул, я думаю, что не так уж оно и плохо. Хочу ли я замуж по любви? Нет, не думаю, что со своим опытом когда-нибудь доверюсь другому человеку. Я карьеру хочу и хочу, чтобы от меня отстали с вечным вопросом «ну что, когда замуж».

Ну и хорошо, что не согласилась. Найдёт другую замену, более подходящую.

Хотя... Ирину, что ли?

Ростик постоянно пытается спастись от ее внимания, она уже настолько обнаглела, что беспардонно в его кабинет вваливается, с ноги дверь открывает, как у себя дома. А она меня смотрит волком, при разговорах шипит. Меня, если честно, от нее передергивает.

Вроде радоваться надо, что свои эстрогены Ирина направила не в адрес моего друга. Только кандидатура Димы для ее охоты бесит еще больше. Неужели он сразу не понял, какая она щучка?

Думаю об этом и щеки пылают от возмущения.

Разве ж сможет она стать хорошей мамой для Тима?

Как на зло, мы постоянно с ней сталкиваемся сегодня. Тут, там. Она ходит по коридору, виляя узкой задницей, как будто все окружающие ей должны. Хотя при появлении мужчин преображается в милую куколку, беспомощную принцессу.

Я вот так не умею. Мне проще самой и коня на скаку остановить, и избу потушить, чем трепыхать ресничками и ждать помощи от мужчин.

По окончании смены я с трудом уворачиваюсь от навязчивого внимания Ростика и сбегую на остановку автобуса. Он никак не может простить, что я не хочу отмечать день рождения в его компании. Никак не могу донести до него, что ненавижу этот праздник. Это не исправить.

Мимо промчался БМВ. Меня передергивает. Знакомый холодок накрывает с головой. Становится зябко. Еще и темнеет уже так рано. Лишь наедине с собой меня накрывают заживо похороненные страхи.

По пути то и дело оглядываюсь, ищу глазами Артура или его машину. Сама себя одергиваю — так и до паранойи недалеко, — но успокоиться получается с трудом. Что за сумасшедший день? Мне нужно отдохнуть.

Хочется запереться дома на тысячу замков и не выходить на улицу, но на сегодня я договорилась на домашний ужин с наставником. Милые старики ждут меня в гости и отменять встречу было бы некрасиво. Мой приход для них — настоящее событие.

Покупаю в магазине возле дома любимый торт Якова Ивановича, манго и авокадо для Серафимы Матвеевны, бутылку вина к столу. Я уверена, что меня ждут, поэтому накроют стол и будут кормить меня до отвала.

При мыслях о наставнике и его жене теплеет на душе, я невольно улыбаюсь ровно до того момента, как черной огромной тенью мне не преграждает путь БМВ. Обойти машину можно только с одной стороны, где большая лужа, оставшаяся после ночного ливня. Либо ждать, когда этот козел уберет машину.

Артур нашёл меня и дома. Следил, наверное, в прошлый раз. Шпион доморощенный.

Сводный брат и не собирается отъезжать, опустил стекло со своей стороны и смотрит на меня сверху вниз как на букашку, улыбается, кривя губы.

— Что, Юлек, сама тащишь пакеты из магазина! Неужели никакого даже завалившегося мужичка себе не нашла? Ты же красивая баба. Могла бы и подсуетиться.

Я быстро оглядываюсь. На детской площадке гуляют молодые мамочки с детками, обходя по мокрой траве и костеря водителя-ирода, идёт бабулечка с палочкой. Если начинать скандал, то помощи ждать не от кого.

Ладно, в лужу, так в лужу. Обувь помою, зато нервные клетки сохраню.

Разворачиваюсь и с гордо поднятой головой шагаю в грязный омут.

— Ты куда, больная? — орет Артур и выскакивает из машины.

Не устаиваю его ответом и иду дальше. Разумеется, он опять хватает меня за руку. И вот в такие моменты меня накрывает. Орать благим матом, как наша санитарка Зина, не буду, но гадость братцу сделать хочется.

— Что ты хочешь, Артур? — надменно спрашиваю. Окей, давай еще раз в диалог.

— Тебя, детка, тебя, — лыбится он.

Я молча жду. Рука Артура скользит по моему плечу к спине.

— Не смей трогать меня, урод! Иначе я вызову полицию! — рычу, освобождаясь. Моя терпимость трансформируется в злость.

— Юль, ну хватит игр. Мы же взрослые люди. Признай, нас тянет друг ко другу. Всегда тянуло.

— Это когда ж тебя ко мне тянуло, а? Когда с друзьями обливал меня похабными шуточками? Когда выкидывал мои вещи из дома? Когда вместе с Элей издевался надо мной, пока никто не видит?

Блин, меня срывает. Нельзя показывать свою слабость. Ох, Юлька, соберись.

Я резко замолкаю. Артуру по кайфу получать от меня эмоции.

— Слушай, это были всего лишь детские забавы.

— Мне было не смешно, — выплевываю с обидой.

Юля, ты взрослая женщина, успокойся. Просто иди домой.

Очевидно, что разговаривать с Артуром бессмысленно. Он нисколько не изменился и не повзрослел за прошедшие годы. Всё такой же говнюк, который считает что ему всё дозволено, потому что отчим прикроет и отмажет.

— Выпендривайся-выпендривайся, малыш. Ты же знаешь, я всегда добиваюсь желаемого. Не захочешь по-хорошему, так я по-плохому буду, зай. Работы лишишься, всей твоей мнимой самостоятельности. Оно тебе надо?

Спиной чувствую, как Артур меня рассматривает, как редкий экспонат. И полиция мне с ним не поможет, отчим всегда прикроет.

Дилемма.

С «золотыми» надо бороться их методами. Ничего, гад, я найду на тебя управу.

Глава 8

Глава 8

Менять планы из-за Артура я не собираюсь. Много чести этому говнюку. И так мне столько лет жизни отравил.

По итогу трачу лишние полчаса, чтобы привести себя в порядок, вызываю такси и еду в гости с теми злополучными пакетами. Что ж, я с радостью не буду носить тяжести и спрячусь за сильной мужской спиной, но признаться в этом могу только наедине с собой.

Вздыхаю, глядя в окно авто на сумеречный город. Образ сильной и независимой я взращивала в себе много лет. Даже не для окружающих людей, а для себя самой. Хотела почувствовать, что это я, именно я, могу чего-то добиться и мне для этого не нужны богатые родители и мужчина под боком.

Я сама всего добьюсь. Мне не нужны помощники. Мне себя достаточно для счастья.

Мне хорошо одной.

Телефон вибрирует Ростиковской фотографией.

— Да? — я прижимаю трубку к уху, оглядываю себя напоследок в зеркало. Черное платье-футляр подчеркивает худую фигуру с небольшой грудью.

— Юль, у тебя какие планы на вечер субботы? — сразу говорит Ростислав.

Я крашу губы помадой, намеренно выдерживая паузу.

— Я скажу тебе позже, ладно, — все-таки выдаю. Ростислав медленно выдыхает в трубку.

— Так не хочешь видаться со мной вне работы? Почему?

— Извини, у меня вторая линия, — тараторю и нажимаю отбой. Никакой второй линии нет.

Сама не знаю, почему так поступаю с Ростиком. Возможно, слишком боюсь обжечься.

Но телефон все же звонит еще раз. Я нехотя переворачиваю экран, но это не Ростик. Неизвестный номер.

С минуту смотрю, как он пляшет на экране. Затем тишина. И через пару секунд приходит сообщение: «Юль, перезвони, как будет время. Это Дима».

Сердце подпрыгивает в груди, сама не знаю отчего. Я жму кнопку «сообщение просмотрено», чтобы Дима набрал еще раз. Сама-то я никому звонить не собираюсь.

— Слушаю, — говорю безразлично.

— Юль, здравствуй. Извини, что беспокою. Я тут разбирал кое-какие документы и попрошу тебя зайти, как будешь на работе. Это очень важно.

— Постой, ты все еще там? — я смотрю на часы. Почти восемь.

— Что-то задержался, — хмыкает Дима. Мне почему-то кажется, что в этот момент он потирает шею ладонью. — Работа такая, сама знаешь. Еще раз извини за беспокойство. Но это важно.

— Я поняла. Пока.

Сама заканчиваю звонок. Возвращаю взгляд в зеркало. Глаза мои блестят азартом. И почему? Потому что любовь моей юности мне впервые позвонил сам?

Номер не сохраняю. Просто потому что визуальная память шикарная, и я могу озвучить его с закрытыми глазами.

Яков Иванович как всегда чмокает меня в щеку при встрече. Его руки все больше дрожат — типичный симптом болезни Паркинсона. Поэтому он ушел из операционной, чтобы потом вернуться наставником. Если не можешь крепко держать скальпель — тебе нечего делать за операционным столом. И сколько бы у медиков не было знакомых врачей, некоторые вещи вылечить невозможно.

— Как дела? Никто не обижает? — когда сели за стол, спрашивает Яков Иванович.

Тётя Серафима суетится между столом и кухней. От помощи моей она отказалась: для неё это равно оскорблению, если гости не сидят за столом, уплетая лакомства, приготовленные с любовью тетей Симой.

— Нет, ну что вы, — врать удаётся легко. Даже засмеялась для пушей убедительности, хотя внутри замерло при мысли об Артуре.

— И всё же, детонька, ну надо тебе замуж, надо, — пыхтит тётя Серафима. — Деток нарожать, семью создать.

Мы с Яковом Ивановичем переглядываемся: он за то, чтобы я строила карьеру и вышла замуж когда-нибудь после тридцати пяти.

— Неужели мужчину рядом не хочется? Пусть не идеал, но хоть какой-нибудь. Вон, Яшка мой тоже не подарок, а я все равно рада, что он у меня есть, — беспечно продолжает старушка.

Мне кажется, она часто забывает, что ее "мужчина-не-подарок" был выдающимся детским хирургом, которому можно простить некоторые бытовые недостатки.

— Знаете, теть, не хочется, — пожимаю плечами. — Пилить меня будет, что я на смене задерживаюсь или что дополнительные сутки беру. Что рубахи не глажены, нет обеда из трёх блюд. Я не из тех, кто будет сидеть дома и готовить щи, когда вокруг так нужна моя помощь.

— Не знаю, Юлька, проворонишь своё время и старой девой останешься. Может, познакомить тебя с сыном моей соседки? Нормальный парень, ну и что что разведён? Зато стабильно в ЖКХ работает, пьёт по праздникам только. Детей нет, — не унимается тётя Серафима.

И вот подобные диалоги у меня случаются максимально часто. Не только на работе, но и среди знакомых. Каждый почему-то считает своим долгом указать на отсутствие печати в паспорте и мужика в квартире. На одном этом характер закалишь.

В остальном вечер проходит тепло. Яков Иванович подарил мне коробку дорогих конфет, тётя Серафима — фиалку в красивом горшке в надежде, что хоть она не завянет у меня дома. Я уж не стала говорить, что с моим графиком работы у меня даже кактусы засыхают.

Возвращаюсь в приподнятом настроении домой, время за полночь. Тихо напеваю попсовую песню, которая сейчас играла по радио в такси, и не сразу понимаю, что что-то не так.

На моей площадке горит свет. Никого нет, тишина.

Только дверь моей квартиры приоткрыта.

Сумка выпадает из рук. Прижимаю горшок с фиалкой к груди. Я делаю несколько шагов назад, чуть не споткнувшись на лестнице. Благо успела схватиться за перила негнушимися пальцами, ногу только больно подвернула.

Вылетаю из подъезда пулей. Холодный ночной ветер скребется по пылающим щекам. Я судорожно набираю полицию, расписываю ситуацию. Они обещают приехать через десять минут. Велят в квартиру не подниматься. Оглядываюсь по парковке в поисках БМВ: не удивлюсь, если это дело рук Артура. Но вокруг тихо.

Меня колотит от холода и страха. Кому позвонить?

Я не уверена, что способна остаться дома на ночь.

Фух, Юля, выдыхай.

Сжимаю трясущиеся коленки. Ты сильная девочка.

Рука дергается к телефону. Я невидящим взглядом пролистываю список абонентов. Рука смещается к недавним вызовам. Там красуются два номера: Ростислава и Димы.

Глава 9

Во двор заезжает полицейский бобик, паркуется впритык к подъезду, блокируя выезд. Из машины выходят два парня, молодых и недовольных, осматривают двор, задумчиво пялятся на окна. Но спасать меня не спешат.

Направляюсь к полицейским.

— Это я вас вызвала. В мою квартиру кто-то проник, — голос звенит и срывается.

— Что, с любовником поругались? — спрашивает один, окатывая меня презрительным взглядом.

— Оперуполномоченный Потапов. Поднимемся в квартиру, — второй локтем пихает в бок напарника и первым заходит в подъезд. — Какой этаж?

— Двенадцатый.

Мужчина кивает.

— Поднимитесь пешком на первый этаж и ждите нас там, — раздает он команды.

Меня от страха так парализовало, что я даже не спорю, поднимаюсь на первый этаж. Мой смартфон вибрирует от нового сообщения: «Юлечка, ты домой благополучно добралась?», — волнуется Яков Иванович. Естественно вру, что все хорошо и уже готовлюсь ко сну. Волновать стариков не к чему.

Пока я трясущимися пальцами попадаю мимо букв, удаляю и пытаюсь писать по-новому, лифт возвращается на первый этаж и ко мне по лестнице поднимается полицейский. Как его? Медведев? Потапов? Точно — Потапов.

— Пройдёмте, — бросает он мне.

На лестничной клетке второй парень внимательно рассматривает замок в двери моей квартиры.

— Ключи давно потеряли? Или второй комплект у кого-то есть?

— Вообще не теряла. И нет, ни у кого нет ключей.

— Муж? Кавалер? Бывший?

— Да нет же! — я срываюсь на крик. — Нет у меня ни мужа, ни кавалера! И ключей нет ни у кого. Даже у соседки!

— Следов взлома не видно. А внутри вас ждет сюрприз, — кисло улыбаясь, заявляет оперуполномоченный.

Я заскакиваю в квартиру, где повсюду включен свет, и в спальне на кровати разбросано огромное количество алых роз. Их настолько много, что не видно рисунка на ткани покрывала.

— А говорите, что нет ухажера, — укоризненно заявляет мужчина.

Я готова расплакаться и от ужаса, что какой-то псих ходил по моей квартире, трогал мои вещи, и от недоверия, которое раз за разом высказывают полицейские.

— Очень похоже на акт примирения. Который вы из-за своего гонора не оценили, — заявляет один.

— Или всё-таки угроза, — этот Потапов мне нравится больше первого. Он хотя бы обвиняет меня невесть в чём. — Может, что-то украли? Или ещё что-то подложили?

Я бегло осматриваю квартиру.

— Вроде ничего.

— Тогда составляем акт вызова. Завтра вы можете прийти в отделение и написать заявление, — мужчина смотрит на меня равнодушно, на автомате спрашивает паспорт, переписывает данные, интересуется работой, наличием врагов и моих предположений по поводу случившегося. Второй, прислонившись спиной к двери, недовольно ждёт коллегу. — Не забудьте сменить замки. Всего доброго.

Они уезжают через полчаса, а понимаю, что не могу находиться в квартире одна. Начинаю метаться по комнатам, держу телефон в руке, готовая звонить опять в полицию при каждом шорохе и скрипе.

Когда полицейский задавал вопросы про врагов, убедилась, что это Артур. Раз он так легко меня нашёл, то ключи он тоже мог взять в больнице незаметно, или нанял кого-то, чтоб отмычку подобрали. Да и мои замки не такие уж навороченные, наверняка легко открываются.

И если это он, то он хочет меня запугать.

Зачем?

Что ему надо?

Столько лет мы не виделись и тут он появился, пылая совсем не братской любовью.

В спальне хватаюсь за края пледа и заворачиваю розы, чтобы выкинуть на мусорку. Огромное ярко-алое пятно расплзается у меня перед глазами. Вся кровать залита краской.

Красной краской.

Как кровь.

В панике хватаю сумку и смартфон и выскакиваю из квартиры, даже не выключив свет в комнатах. Мчусь по лестнице, совсем позабыв про лифт. На седьмом этаже останавливаюсь, пытаюсь совладать со сбившимся дыханием. Кроваво-красное пятно так и стоит перед глазами. Пытаюсь вызвать такси, не сразу набираю правильный адрес и жду машину во дворе, не выходя из круга света фонаря.

В клинике, не давая себе шанса передумать, беру временный пропуск у охранника, вру про срочный вызов и иду в ординаторскую. В три ночи в коридоре тихо и безлюдно, только на посту горит ночник и мерно гудят редкие лампы.

Подхожу к кофейному автомату и пытаюсь совладать с собой. В такси я вроде бы немного успокоилась, но купюра никак не попадает в прорезь для банкнот, потому что руки мелко дрожат.

— Юля? — Дима появляется рядом очень неожиданно, я дергаюсь и отступаю на шаг. Едва не падаю, но мужчина на всякий случай придерживает меня горячими ладонями, которые раза в два больше моих.

— Ты все еще здесь? — с трудом натягиваю бледную улыбку.

— Совмещаю, так сказать, — Дима потирает шею именно так, как я себе представляла. — Хотя, должен признаться, что пока Тим здесь, то и я тоже. Ночую с ним, чтобы хоть иногда видеть.

Мне кажется, что Дима меня очень пристально рассматривает, как будто догадывается о чем-то. Я прячу дрожащие руки за спину.

— Я угощу тебя кофе? С молоком? Сахар? — предлагает он.

— Спасибо. Я передумала. Пойду посплю в ординаторской.

Стиснув купюру в ладони, сбегая не прощаясь по коридору и спиной чувствую пристальный взгляд.

Глава 10

Медикам спокойствие только снилось — и это непреложный факт.

Я не спала полночи. Мешали страхи, мысли и просто больничная обстановка. На дежурстве быстро привыкаешь спать вполглаза. И даже понимая, что меня не дёрнут на операцию, забыться сном не удавалось. Поэтому утром я встала разбитая и злая.

Я старательно щелкаю клавиатурой на компьютере уже битый второй час, здесь же стоит наш заведующий, который лениво читает опусы моих коллег, именуемые историями болезни, и громко комментирует, как будто смотрит матч по футболу.

— Вот тут запятую пропустил. Так. О, а рекомендации где? Что, компьютер не сохранил? Тьфу ты на эти чертовы технологии. А дозировку здесь кто должен менять? Я? Нет, ну это жесть. Пациенты сегодня выпишутся, это все подгрузят в интернет, а совесть только меня коробит в этом отделении. Надо заняться воспитанием молодых врачей.

Заведующий откидывает планшет с очередной историей болезни. Я это не вижу, просто слышу, как огромная стопка, что лежала перед ним, рассыпается на пол. Хотела бы я намекнуть, что мне люто мешают, да отвлекает входящий звонок.

— Не забыла про меня? — строго спрашивает Дима.

— Ты на месте? Могу подойти сейчас, — стараюсь говорить громче, чтобы перекрыть возмущения заведующего.

— Да, жду.

И отключается.

Выходя из ординаторской, мельком бросаю на себя взгляд в зеркало и на всякий случай поправляю волосы. Почему-то важно, чтобы они лежали сегодня красиво.

По дороге вспоминаю, что хотела уточнить в юротделе по поводу того, что у меня заканчивается одно дорогостоящее лекарство, которое оформляется по индивидуальной закупке.

Тихо стучусь и захожу после разрешения. Два стола — Димин и Ирины — стоят напротив друг друга. У Димы все разложено по ровным стопкам, стоит рамка с фотографией. Тимина? У Иры же хаос из бумаг, канцелярских мелочей и папок, разбросанных по всей поверхности огромного стола.

— Присаживайся, — Дима кивает на роскошный мягкий стул напротив. Мне нужна твоя подпись здесь и здесь, — он указывает ручкой в нужные места.

Я беру лист, пробегаюсь глазами по тексту. Всякие бумаги по поводу противокоррупционных действий, подлога и прочего, чем мне заниматься никогда не хотелось. Ставлю подпись не задумываясь.

Перед Димой лежит папка с моей анкетой, там же моя фотография. Чувствую себя буквально обнаженной.

— Ты здесь неплохо получилась, — хмыкает вдруг Дима, отчего у меня улыбка до ушей расплзается. Конечно, я фотографа мучила, чтобы получилось что-то стоящее, а не характерный покер фейс. Мне еще тогда сказали, что нужно ходить с лицом попроще и почаще улыбаться. — У меня все. Хотя... — Дима хитро прищуривается, когда я уже встаю. — Пообедаешь со мной сегодня?

Я удивлена. Пару подписей на не самых важных документах и все? И ради этого Дима звонил лично вечером после работы? Мне становится не по себе от ощущения, что меня проверяют, под меня копают, выясняя, достойна ли я работать в этой клинике. Или все проще, и это лишь повод пригласить меня на обед? Как ни крути, выходит странно. Но додумать мысль я не успеваю...

— Юлия Елисеевна, я тут как раз вашу заявку просматриваю, — вставляет свои пять копеек Ирина.

— Еще только просматриваете?! — возмущаюсь я, потому как оформляла заявку на индивидуальную закупку определенного лекарства еще с месяц назад. — У меня пациент на днях поступит, он никакие нестероидные, кроме этих, не переносит!

— А что делать? До отпуска не успела, вот сейчас руки только дошли, — пожимает плечами Ирина. — Я одна, мне никто с этим не помогает. Я давно говорила, что мне нужна помощник.

— То есть когда у меня будет лекарство?

— Ну как... Сегодня-завтра оформлю заявку, пока ее подтвердят... Пока дойдет до поставщика... Недели через две привезут.

— Ирина, как тебя там по батюшке, мне нужно лекарство через пять дней! — взрываюсь окончательно я. — Что сложного поставить свою подпись и все сделать вовремя? Да от тебя жизнь зависит!

Ирочка вскакивает со стула, что он громко ударяется о стену.

— Вот не надо на меня всю ответственность сваливать! Если так нужно было лекарство, ходила бы и долбала меня до отпуска. То же мне, звезда пришла. Нечего меня крайней и виноватой делать!

Ира выскакивает из кабинета. Я перевожу ошарашенный взгляд на Диму.

— Нет, ну это нормально вообще? — пыхчу злым чайником. Отворачиваюсь к окну, чтобы хоть как-то отдышаться и придумать, что мне делать. — Ведь обидно, что этот пациент у нас по особенной программе: помощь малоимущим. — Принимаюсь пояснять я Диме, хотя ему это скорее всего не интересно. — То есть клиника ищет спонсоров, которые выделяют деньги, чтобы дети с тяжелыми заболеваниями лечились у нас, а если такое невозможно, то наша клиника сотрудничает с научными иностранными центрами и больницами. Поэтому у деток есть шанс на нормальную жизнь после нашего лечения.

Моих плеч касаются теплые ладони и принимаются их массировать. Сначала порываюсь сбросить такую наглость, затем решаюсь все же посмотреть, что будет дальше.

— Выдыхай, — говорит Дима. Его руки согревают мою озябшую душу. — Я все решу. Будет лекарство.

— Это отлично, только руки убери, — требую без должного порыва.

— О, служебный роман на рабочем месте? — врывается в наше спокойствие голос Валерий Александровича.

Я замираю, Дима же медленно опускает руки и не спеша оборачивается с немим посылом, что весь мир подождет, а он тут вообще-то занят. Рядом с главным врачом стоит Ирина с победной улыбкой.

— Так, Юлия Елисеевна, что за нерабочее поведение? — строго спрашивает у меня глав. — Обжимаешься с коллегой, на другого кричишь почему зря.

— Я бы не кричала, Валерий Саныч, если бы этот самый коллега вовремя делал свою работу. Дмитрий Сергеевич свидетель. И мы с ним не обжимались, — гордо заявляю. Не позволю отчитывать себя как девчонку.

— Юлия Елисеевна права, — добавляет Дима. — Я бы поинтересовался, почему Ирина идет жаловаться, отвлекая руководство от работы, вместо того, чтобы решать на месте, как исправить свои ошибки.

Кстати, да. Ирочка всего лишь юрист, а сразу к главному врачу бежит.

— Почему никто в этом учреждении не работает? — восклицает Валерий Саныч. — Юлия, у вас нет операций? А вы Ирина быстренько делайте договор. Не портите репутацию нашей клиники.

Ира сконфуженно идет к своему столу, я тоже покидаю кабинет. Только щеки пылают.

Следом мне летит сообщение: «Но обед-то в силе?».

Быстро набираю: «Извини, но нет».

Глава 11

Следующие несколько дней проходят относительно спокойно.

Ирина заказала лекарство, наверное, Валерий Саныч подсуетился. Поэтому мне обещали быструю поставку.

Дима больше не звал меня обедать, зато Ростислав неизменно крутился рядом.

Возвращаться в квартиру днем оказалось не так страшно, как ночью. Я выкинула испорченное белье с кровати, вымыла полы и вызвала слесаря, чтобы сменить замки. А тут ещё у тёти Серафимы давление скакануло ни с того, ни с сего. Пару дней я ночевала у своих стариков. А когда вернулась к себе, уже стерся тот ужас.

Из полиции мне не звонили, куда меня не вызывали. Я и махнула рукой.

Только, видимо, зря.

Дежурство в государственной больнице, где у меня иногда бывают смены по старой памяти, выпало на субботу. И как на зло, с самого утра мы все крутимся как белки в колесе. Кого-то из детей на скорой доставили, кого родители привезли. Операция идёт за операцией. Только часов в пять мне удаётся присесть и пообедать, дух перевести.

— Юлия Елисеевна, — в ординаторскую заглядывает новенькая медсестра Лена. — Приятного аппетита.

Я киваю, продолжая жевать. Потому что если она сейчас сообщит, что мне в операционную, то больше я ничего съесть не успею.

— Вас мужчина искал. Минут пятнадцать назад. Нашёл?

Мотаю головой, проглотив последний кусочек котлеты.

— Что за мужчина?

На самом деле я жду отца моего сегодняшнего пациента. У ребёнка аллергия на многие продукты и, возможно, на лекарства, а отец об этом знает весьма смутно. Мать в роддоме со вторым малышом, по телефону ничего толкового не смогла ответить. Вот я и отправила непутевого папашу домой за выписками и справками.

— Ну такой, — Лена крутит неопределенно рукой. — Я его со спины видела. С ним Татьяна Леонидовна разговаривала. Она просила вас найти и сообщить. А я замоталась и забыла. Вот только сейчас и вспомнила.

— Он что-нибудь передал? Может, оставил документы?

— Татьяна Леонидовна мне ничего не передавала. — Лена пожимает плечами. — Да вы сходите узнайте. Может быть, он вас ещё ждёт.

— Где?

— На первом этаже. Возле второго выхода.

Я собираю пустые контейнеры в пакет и радуюсь, что успела поесть. Только чай не допила с конфеткой.

— Почему там-то? — я удивлена.

— Я не знаю. Я только передаю то, что сказала Татьяна Леонидовна.

— Спасибо, Лен.

Я выхожу следом за медсестрой из ординаторской, по пути шуршу конфетой и быстро засовываю любимый трюфель в рот. Ко второму выходу нельзя спуститься на лифте, только пройти через холл и по коридору мимо приемников. Странное место, конечно...

— Попалась! — В полумраке закутка, где кто-то предусмотрительный выкрутил лампочку, приглушенный мужской голос звучит зловеще.

Я и сама понимаю, что поступила опрометчиво, придя сюда.

Холодные липкие от пота руки хватают меня за плечи и тяжёлое тело прижимает к стене. Не успеваю даже выставить вперёд руки и ударяюсь щекой о шершавую стену.

— Я люблю пожестче. — Горячее дыхание опалает кожу шеи.

Я узнаю голос, и волосы на затылке буквально встают дыбом.

— А ты? — Чувствую, как Артур ведёт носом по волосам и принохивается как зверь.

Меня передергивает от отвращения, я пытаюсь вырваться или хотя бы отодвинуться от стены, чтобы вдохнуть полной грудью и закричать. Вдруг кто-то будет проходить мимо или будет искать выход из холла и услышит меня.

— Хотя не важно. Полюбишь.

Пытаюсь не закрывать глаза, но ужас, тот который я испытала в юности, когда Артур с друзьями словили меня, накатывает волнами и деморализует. Чувство безысходности опутывает липкой паутиной. Становится трудно соображать и тем более сопротивляться.

— Ну что же ты молчишь, Юля? Не хочешь со мной поговорить.

Чувствую, как горячая ладонь Артура ныряет под ткань халата и скользит вверх по животу, добирается до груди и больно ее сжимает.

Видимо, эта боль меня и отрезвляет. Отпихиваю Артура от себя, набираю воздух в легкие и кричу, что есть мочи.

Артур держит меня крепко, не давая вырваться, смеется.

— Кричи-кричи. Мне нравится.

— Ты больной! Помогите!

— Тебя никто не услышит, — смеётся, пытаясь рукой залезть в мой лифчик. — А если кто и придет на помощь, то решит, что ты развратная врачиха, даешь первым встречным. Ха-ха. Вот умора будет. Наша праведная Юлечка на деле оказалась не такой уж святой.

Его слова отрезвляют. Не в том смысле, что я перестаю сопротивляться. Я просто меняю тактику.

— Пожар! Горим! Пожаааар!

Артур как ненормальный смеется, сильнее вдавливая меня в стену, а я слышу, как к нам приближается топот ног.

— А ну! Отошел от нее! — кричит санитар, крепкий парень лет двадцати.

Кто-то оттаскивает от меня Артура. Он матерится и угрожает, кричит что-то про услуги, деньги и оскорбляет меня, пока не получает в челюсть от санитара. Меня выводят на улицу как раз по тому выходу, к которому я не дошла пару шагов.

— Вот это психи среди нас, — медбрат, который прибежал вместе со всеми, накидывает на меня свой халат и закуривает. — Мы вначале не поняли, что за крики, а потом «Пожар! Пожар!». Побежали двери открывать, чтоб людей выводить, а тут вы. Ну капец! Надо Григорию сказать, чтоб полицию вызывал, — мужчина скрывается за дверью.

Я обхватываю себя руками поверх чужого прокуренного халата и принимаю единственно верное в данном случае решение.

Глава 12

Серым днем, когда осень уже утратила все яркие краски, я стою перед огромной мраморной лестницей. На мне шелковое платье-футляр длиной до колена с мягким цветочным принтом и ботфорты. На Диме — дорогой темно-синий костюм тройка и чёрное пальто, делающее его вид ещё более строгим.

Он выглядит как мечта всех женщин. Как Бред Питт и Джордж Клуни в одном флаконе с нотками харизмы турецких актеров и корейских айдолов.

В руках я крепко держу небольшой, но очень нежный букет из мелких кремовых роз и белых орхидей. Россыпь прозрачных круглых бусин на серебристой проволоке переливаются в искусственном свете больших люстр Загса. Букет подарил Дмитрий, я как-то даже не вспомнила об этом аксессуаре.

Глубоко вдыхаю воздух, настоящий на аромате цветов и всевозможных духов. Я могу сбежать. Сейчас, когда улеглись эмоции, я действительно могу это сделать. Но...

— Не передумала? — хмуро интересуется Дмитрий. Мы стоим вдвоём в самом низу лестницы. Вокруг нас снуют чужие люди, спешащие и опаздывающие бегут наверх, а вниз спускаются уже счастливые и довольные. Никого из наших знакомых — мы не звали.

— Нет, я же обещала, — невозмутимо пожимаю плечами. — Можем уже расслабиться, а то это подозрительно.

— Да. Ты права.

Украдкой рассматриваю Диму.

Только сейчас осознаю, какой он огромный и широкоплечий, почти в два раза меня шире и выше на полторы головы. Раньше долговым был и все равно ужасно привлекательным. А теперь и подавно красавчик.

Он предлагает мне локоть, я благодарно улыбаюсь: выбрала не самые удобные каблуки. Тем более, сделав шаг наверх, мои ноги подкашиваются. Я всерьез фиктивно выхожу замуж за Диму, которого так самозабвенно любила начиная с восьмого класса.

— Ты-то не передумал? — зачем-то спрашиваю.

Дмитрий странно на меня смотрит и ограничивается коротким:

— Нет.

Я уже поняла, что он мало что будет объяснять, поэтому только пожимаю плечами и опираюсь на его руку.

В тот момент, когда я ворвалась к нему в кабинет, Дмитрий не прогнал меня. Удивился, да.

Вообще всю дорогу до клиники я ехала на такси с абсолютно пустой головой. Принятое на эмоциях решение казалось правильным. Страх убивал любые попытки рассуждать здраво на корню.

— Юля? — спросил тогда Дима растерянно, потирая ладонью лицо, как будто я могла ему привидеться.

— Я согласна, — повторила уже не так уверенно. — На брак и всякое такое, — решила добавить скомканно. — Если ещё актуально.

И только потом я поняла, как все это звучало бы со стороны, будь в этот момент кто-то еще в кабинете. Та же Ирочка.

— Э, да, актуально, — кивнул Дима. — Кофе? — хриплым голосом спросил он и откашлялся в кулак. — Сейчас все обсудим.

Я кивнула. Нам обоим нужно было время, чтобы осознать произошедшее. Мы направились к кофейному аппарату в холл. Плевать, что подумают обо мне коллеги.

Я привычно потянулась к аппарату одновременно с рукой Димы. Он легко коснулся моих пальцев. Я отдернула руку. Вместо того чтобы нажать кнопки, Дмитрий неожиданно взял мою ладонь в свои, слегка массируя.

— Ледяные, — констатировал он.

Я удивленно наблюдала за его движениями, не в силах сказать ни слова. Наконец, Дмитрий закончил и вернулся к аппарату.

Пока с тихим жужжанием аппарат готовил кофе, мы молчали. Мимо прошла дежурная медсестра с моего отделения, удивленно окинула нас взглядом и ушла по своим делам.

— Что случилось? — глядя мне в глаза, спросил Дима. В полумраке закутка, где стоит кофейный автомат, его взгляд казался черным и глубоким.

Повисла неловкая пауза. Я нервно глотнула кофе, и обжигающий кипяток прошелся по горлу, отчего я сморщилась и замахала руками в попытке остудить рот.

Что сказать? Что прошлое настигло меня, когда только жизнь стала нормализовываться? Что я все-таки вынуждена признать, что не могу себя защитить?

Нет, я не произнесу такого вслух. Я не хочу выглядеть жалкой.

— Я подумала, что твоя идея вполне приемлемая. Меня все вокруг спрашивают, когда замуж и вот это вот все... А мне надоело, — пробормотала.

Дима нахмурился. Не поверил.

— А Ростислав?

— Мы просто дружим, — пожала плечами. Мы молчим несколько долгих секунд. Дима не давит. А ко мне возвращается трезвость мысли. — Ты никогда не говорил, где мама Тима. Что с ней?

— Она жива и у нас с ней все сложно, — коротко замечает Дима. На его щеках играют желваки. И вдруг я понимаю, что этот сильный мужчина тоже несет собственный груз прошлого, который давит. Каково это смотреть на сына и не думать о его матери? — Сейчас она начала судебную процедуру по установлению родительских прав. А я не позволю ей даже приблизиться к Тимофею. Так что можно сказать, что у нас война не на жизнь, а на смерть. И методы борьбы не всегда честные, но тебя это не коснется. Просто надо быть готовой ко всему.

У меня много вопросов. Очень-очень много. Но как Дима не давит на меня, я не хочу давить на него.

— Просто будет лучше, если мы заключим брак, пусть и фиктивный. Так я смогу отстоять Тима, и ты мне в этом очень поможешь. Поэтому взамен я сделаю для тебя что угодно, — после некоторой паузы, показавшейся мне не настолько тяжелой, как другие, сказал Дима.

В странном порыве я сжимаю его ладонь.

— Я на вашей стороне.

Чувствую себя чертовски неуютно в узком платье и юбке. Надо было надевать что-то удобнее. Или даже в спортивном костюме пойти. Какая разница?

Вон пара перед нами вообще с прикидом не парилась. Оба нацепили на себя костюмы от Адидаас и идут довольные.

Мы проходим вслед за ними в кабинет для всяких формальностей.

— Фамилию менять будете? Родственники? Друзья? Кто будет? — сыплет вопросами служащая Загса. Она сосредоточена на ворохе бумаг с ручкой наготове.

— Фамилию не меняем, — отвечаю я.

Женщина ставит галочку на листике.

— Никого из близких не будет, — добавляет Дима.

На нас поднимают удивленные глаза. Несколько секунд каждого из нас сканируют, приходят к каким-то выводам и вновь возвращаются к бумагам.

Если я еще хоть раз выйду замуж, попрошу выездную церемонию. Мне не по себе от такого пристального внимания, тем более в тишине чувствуется осуждение. На всякий случай поправляю идеально прямую юбку.

Дима кладет свою руку поверх моей.

— Не волнуйся, — говорит он.

Легко сказать.

— Кольца? — выстреливает вопросом регистратор.

У меня глаза расширяются от ужаса.

— А без них... — начинаю тараторить я.

— Все в порядке, — перебивает меня Дима. Достает из кармана костюме бархатный пакетик.

— Как ты угадал с размером? — удивляюсь я, глядя на два золотых ободка.

— Хотите примерить? — понимающе уточняет регистратор.

— Неплохо было бы. Не хотелось бы попасть в неловкую ситуацию, — пытаюсь улыбнуться, а у самой руки дрожат. — Если что, у вас есть масло?

На меня смотрят на идиотку.

— Нет.

— Ясно... — растерянно бормочу я.

— Давай сюда руку.

Дима мягко берет мою ладонь, успокаивая тремор, и осторожно надевает кольцо. Оно обжигающе скользит по коже и останавливается у самого основания. Рука кажется невыносимо тяжелой.

Но Дима снимает кольцо, отдает регистратору, и та прячет их в карман.

— Отлично, ждите, — сухо сообщает она.

Дима подает мне руку, помогая встать.

Наверняка со стороны мы выглядим милой парой, и вряд ли кто-то видит, что я сжимаю скромный букет, повязанный лентой, до побеления костяшек.

Играет торжественная музыка, хотя мы просили без неё. Дима поинтересовался моим мнением, какую я хотела бы церемонию. У меня было только одно пожелание «максимально скромно», с чем он согласился.

А вот теперь мы стоим перед молоденькой девушкой в строгом пудрово-розовом костюме, которая с завистью переводит с взгляд с меня на Дмитрия. Она откашливается, заносит руку над красивой белой книгой и произносит:

— Жених расписывается здесь, невеста ниже. Фамилию менять будете?

— Нет, — отвечаем одновременно с Димой.

Он быстро и размашисто расписывается в указанном месте. Я следом, совсем не так уверенно, вывожу свою подпись.

— Поздравляю, официально объявляю вас мужем и женой. Можете поцеловать ново-бракную, — дежурно чеканит девушка и под её завистливым взглядом Дима наклоняется ко мне. Между нашими губами остается несколько миллиметров, отчего я чувствую его горячее дыхание на коже.

Все комментарии по поводу фиктивности наших отношений вмиг пропадают. Конечно, оно так, но я подумаю об этом позже. А сейчас у меня екает в груди и учащается дыхание. И мысли вылетают в бездонную пропасть желания.

Я хочу, чтобы Дима поцеловал меня.

Эта мысль должна быть хлестнуть по моему здравому смыслу, отрезвить...

Но Димины губы нежно касаются моих. Они мягко, но настойчиво сминают мои, наше дыхание перемешивается...

— Для правдоподобности, — мягко говорит Дима отстранившись.

Я облизываю губы.

— Да-да, я так и поняла. Для правдоподобности.

Глава 13

За неделю до...

Первому о нашей скоропалительной свадьбе мы объявили Тимофею. Он искренне радовался, хлопал в ладоши, визжал и даже пытался прыгать на кушетке, за что получил строгий выговор.

— У меня будет мама! Как у всех! Своя собственная мама! — голосил Тим несмотря ни на что.

Я стояла рядом с кроватью и через силу улыбалась. Мне было жаль этого ребёнка, потому что я его отлично понимала. Хотя моя мама жива и в детстве находилась постоянно рядом, но она не была близка, отдавая предпочтение детям отчима. Я часто чувствовала себя лишней в доме, в семье, сиротой при живой маме.

Поэтому сейчас мы редко поддерживаем отношения.

Не знаю, как Дима будет объяснять Тиму происходящее, пусть хоть сейчас ребенок порадует.

Что ж за человек его мать, что бросила сына? Что там случилось?

— Зато мы тебя сегодня выписываем, — сообщила мальчику. — Поедешь домой наконец-то.

— А ты поедешь с нами? — тут же спрашивает Тим. — Я тебе свою комнату покажу.

— Позже, у нас есть целая неделя, чтобы провести время у вас дома.

— У нас дома, тетя Юля. Пока не готов вас звать мамой, но я постараюсь быстро привыкнуть, — жарко пообещал Тим. — Можно... можно я вас двоих обниму?

Я только беспомощно развела руками и посмотрела на Диму.

— Конечно, малыш, — с теплой улыбкой разрешил он.

Тим сайгаком соскочил с кушетки, подбежал к нам и так крепко обнял, что у меня в груди защемило. Повинуясь порыву, потрепала его по светлой макушке. И тут же ощутила, как тяжелая рука Димы ложится мне на плечи, объединяя, замыкая круг.

Мы стояли так, наверное, несколько минут. Мне было уютно и наконец-то спокойно. Словно все именно так и должно быть, а я, возможно, не совершаю одну из самых нелепых ошибок в своей жизни. Да, у Димы была бурная молодость, но теперь то он вырос, изменился. Я уверена, что он не будет делать мне больно, если я его подпущу к себе несколько ближе, чем просто коллега по работе.

Только немного. Когда все закончится, я уйду с гордо поднятой головой. Не оборачиваясь.

О нашем браке мы сказали только в отделе кадров, не сильно надеясь, что они будут держать язык за зубами. Хотя я попросила.

Неделя выдалась суетная. В собственную квартиру я приезжала только один раз, и то днем, чтобы собрать вещи, и сбежала с истощенно бьющимся сердцем в гостиницу. Решила, что потом заберу всякие мелочи или докуплю, но пока лишний раз в квартиру шагу не сделаю, пока не отпустит. Хотя не уверена, что это когда-нибудь случится.

На работе взяла отгулы, благо расписание позволило, чтобы хоть как-то подготовиться к свадьбе: выбрать платье, купить обувь. Пообещала себе, что если вдруг соберусь замуж еще раз, потрачу на приготовление минимум год, закажу самое пышное платье и обставлю все розами.

Дима, да и Ростик, звали на ужины, но я приходила домой без сил и падала на кровать, мгновенно отключаясь. Хотя что говорить, Ростислава я откровенно избегала, не знала, как сказать ему обо всем.

Дима привез меня к современному пятиэтажному дому бизнес-класса. Большие окна, серо-коричневый камень стен. Дом, похожий на крепость. Но быть может, мне именно это и нужно?

Дима здоровается с консьержем, женщиной за шестьдесят, которая с любопытством провожает нас взглядом. Мгновенно становится интересно, сколько женщин Дима приводил домой и приводил ли, там же все-таки Тимофей. Хотя какая мне разница. Я стала частью Диминой жизни, но не личной.

В коридоре меня охватила паника, стало накрывать происходящее, но я подавила ее силой воли. Дима ничего не заметил.

И вот он открыл дверь квартиры. Я сделала несмелый шаг внутрь.

Первое, что отметились: чистота. Мы попали сразу в большой зал-кухню. На столе не стояло тарелок, на полу не валялись игрушки. Даже на беговой дорожке ничего не висело. Я позволила себе улыбнуться и чуть-чуть расслабиться. На самом деле, не думала, каково мне будет жить с двумя мужчинами, ведь до собственной квартиры у меня была домработница.

Мы с Димой вообще такие практические моменты не обсуждали, а надо было.

Затем мне показали комнату Тимофея, типично пацанскую: синие обои, постеры с футболистами на стенах, машинки, расставленные в ряд на полке.

Раздельный санузел.

— Если что, я недолго зависаю в ванной, — хрипло пробормотала, чтобы дать хоть какую-то обратную реакцию.

— О, я не переживаю на этот счет. У тебя будет отдельная ванная, — широко улыбнулся Дима и как будто немного расслабился.

Я молодец, конечно. Думаю сейчас только о себе и вообще не обращаю внимания на чувства Димы.

Он как раз толкнул новую дверь.

— Спальня, — коротко прокомментировал он.

Комнату мне выделили красивую и уютную. Светлые обои, мебель шоколадного оттенка, большущий шкаф. Двухспальная кровать...

Двухспальная кровать?!

Я немного попятилась назад и едва не споткнулась. Благо Дима успел удержать за предплечье.

— Я буду спать в кабинете, — заметил он, глядя мне в глаза. — Поэтому не волнуйся. Я ни на что не претендую.

Я вроде порадовалась, а вроде внутри что-то неприятно екнуло. Вновь окинула взглядом комнату и заметила отсутствие очень важной для меня детали.

— Дим, а можно я привезу свой ночник? — робко спросила, чувствуя себя ребенком.

С нотками меланхолии вспоминаю свою комнату в доме отчима. Там было очень красиво, со вкусом подобраны предметы интерьера и утверждены дизайнером проекта. Мне мама позволила лишь на туалетном столике поставить картинку пионов, вышитую еще моей бабушкой. Гораздо свободнее я себя чувствовала в подвале, который с позволения отчима отдали мне в пользование. За этот укромный уголок, где я проводила большую часть времени, и за пианино я уважала отчима безмерно.

Только этот уголок стал моим персональным адом.

Тряхнув головой, отгоняю воспоминания. Все это было давно и былым поросло. Теперь новая я и вот это вот всё. Зря про ночник сказала. Как голой себя почувствовала.

Ничего. Медицинский факультет выдержала и тут справлюсь.

— Хотя не переживай. Комната отличная, — протараторила и натянуто улыбнулась. — Идем дальше.

Даже сама подхватила мужчину под руку и утащила подальше от спальни. Мне показали сдержанный кабинет с не очень уютным на вид диваном, но Дима несколько раз повторил, что ему там спать нормально. Глядя на рытвины с пуговицами, я очень сомневалась...

— Если хочешь, можешь остаться здесь уже сегодня, — предложил Дима. Он стоял, спокойно опершись о косяк двери.

— Скажи, у тебя есть какие-то скелеты в шкафу? — спросила чересчур резко. — Раз я буду твоей женой... в смысле, фиктивной. Какие-то важные вещи мне нужно о тебе знать.

Дима задумчиво потер подбородок.

— Нет, я сказал тебе все, что ты должна знать.

Глава 14

Юля

Теперь...

После Загса мы едем к Диме. В смысле, домой. Так странно называть новое место домом!

Переодевшись в домашний костюм, иду на кухню. Столешница и плита выглядят так, как будто на них никто никогда ничего не готовил. Зато светло и просторно. Наверняка Дима не готовит, а значит Тим почти не ест домашнюю еду.

Дима сидит на диване и с очень усердным видом что-то царапает в большом сером блокноте. Заслышав шаги, он поднимает голову.

— Вот и я, — неловко произношу.

— Хочешь что-нибудь? — спрашивает Дима, откладывая блокнот и вставая. — Чай, кофе, какао?

— М, кофе, пожалуй, — приземляюсь на мягкий стул и с интересом осматриваюсь.

Когда шум от кофемашины стихает, Дима произносит:

— Ты сама будешь делать домашние задания с Тимофеем или он будет оставаться на продленку?

Вроде намек в его голосе нет, но что-то мне подсказывает, что есть и очень такой жирный.

— Когда не буду занята работой, вполне смогу заняться этим сама.

— Меня это устраивает.

К кофе мне подают печеньки, но я отодвигаю их: и без того уже организм перепичкан всякой ерундой.

— Мне нужно еще уехать по работе, посидишь с Тимом? Он должен вернуться с минуты на минуту. А, кстати, минут через двадцать я заказал еду из ресторана. Праздничный обед, все дела.

Спокойно, Юля, дыши. Когда-нибудь ты поймешь этого странного мужчину и твоя жизнь станет сильно лучше. А пока натяни улыбку и действуй по ситуации. Пусть он едет куда вздумается, я его останавливать не собираюсь.

Слышу, как щелкает дверной замок, и с громким «Пап, я дома!» в квартиру, судя по грохоту, влетает Тимофей. Это вызывает во мне улыбку, и я иду его встречать.

— Юля! Ты пришла!!! — пищит Тимофей и бежит меня обнимать, врзается буром в мой живот, отчего я проглатываю выдох.

— Конечно, — улыбаюсь и поглаживаю пацана по голове. Он такой теплый, доверчивый, что внутри меня что-то скребется. Я давно для себя решила, что детей рожу лет в сорок, когда построю карьеру, стану ведущим хирургом. А теперь это на пару мгновений кажется не единственным верным решением.

— А вы в медовый месяц без меня уедете? Или вместе поедем?

— Тимофей, сперва нужно вымыть руки и идти за стол, — строго говорит Дима. Мальчик недовольно складывает руки на груди, выпрямляется и заявляет:

— Я буду делать то, что говорит мне мама!

Дима хмурится. Я чувствую, что должна как-то разругать эту ситуацию, поэтому обращаюсь к Тиму.

— Давай договоримся, что ты будешь по-прежнему слушаться папу?

— А мы будем обычной семьей? Как у всех? — насупился Тим.

— Что ты имеешь в виду?

— Папа обещал мне семью! Мы будем вместе гулять, ходить в кино, есть попкорн!..

— Я думаю, мы сможем организовать что-то подобное, — медленно произношу я, стараясь ничего не обещать и не загадывать. Все-таки у меня две работы.

День проходит степенно. Дима уезжает даже не пообедав. Нам остается целая гора еды на любой вкус и цвет. Мы с Тимом делаем уроки, а потом играем вместе в приставку. Что я оценила, так это то, что Тим умеет проигрывать и не закатывает истерику из-за такой ерунды.

Я пью чай, глядя на ночной город с высоты девятого этажа, снова и снова размышляя о том, куда привела меня жизнь. На кухню притопывает сонный Тим уже в пижаме, садится рядом.

— Ты правда никуда не денешься? Не бросишь нас? — спрашивает он.

— Не брошу, я же обещала.

— Ладно, тогда спокойной ночи. Надеюсь, это не сон, — несмело улыбается Тим и уходит.

Я тоже сижу некоторое время. Интересно, а Дима вообще домой приходит собирается или как? Ждать его или нет? Завтра на смену.

Но прождав его два часа, понимаю, что это бесполезно, поэтому бреду в свою спальню, оставив свет в коридоре, чтобы не так темно было. Дверь тоже оставляю, только вот теперь дилемма: спать я привыкла в сорочке, целомудренных пижам у меня нет. Если вдруг Дима заглянет, что подумает?

Это вдруг становится проблемой, которая окончательно прогоняет сон. Я включаю свет и принимаюсь мерить комнату шагами, решая, спать мне в спортивном костюме или все-таки почти negligé.

Останавливаюсь в костюме и ложусь.

Жарко.

Открыла окно.

Стало холодно, все-таки октябрь.

Чертов костюм!

Не судьба мне выспаться сегодня.

От нечего делать листаю новости в соцсети, щёлкаю на значок уведомлений. “У вас один новый подписчик”. Сердце замирает: а вдруг Дима?..

Прогоняю нелепости из головы, всё-таки наличие человека в друзьях еще ни о чем не говорит, тем более новости и фотографии о себе я не выкладываю. Банально нет времени. Как и у Димы (я изучила его страничку).

Однако.

Поджав губы, взираю на перекошенное в зверской улыбке рожу Артура и приписанное сообщением черное сердце. Мне становится так мерзко, что я со злостью добавляю его профиль в чёрный список. Бешусь так сильно, что даже не сразу попадаю в экран, чтобы поскорее стереть его довольное лицо. На всякий случай закрываю аккаунт, дабы братец не получил лишней информации обо мне.

Может, ещё фамилию сменить? Но тогда Артур сразу догадается, кто мой муж, а я хочу использовать этот факт чуть позже, чтобы максимально насолить братцу. Надоело, что он ходит безнаказанным.

С этими злорадными мыслями закрываю глаза, однако в коридоре щёлкает замок. Мгновенно подбираюсь, нервно накидываю банный халат.

А мне вообще надо предлагать Диме разогреть ему еду? Это не слишком для фиктивного брака?

С другой стороны, мне жалко, что ли? Покормлю, а потом уже разберемся.

— Привет, — мило шепчу. Точнее, это получилось ни капли не мило, а как будто змеей прошипела. Не умею шептать, не привыкла. Да еще и жарко так. Если халат скину, что обо мне Дима подумает?

Мужчина же, развязывающий шнурки, поднимает на меня глаза, улыбается.

— Привет.

Я на пару секунд залипаю на его красивом лице и длинных ресницах.

— Ужинать будешь? Ты заказал столько еды, что хватит на мини армию, — еле выдавливаю, чувствуя неуместное смущение. Наверняка, щёки горят, и я отворачиваюсь, чтобы не спалиться.

— Не переживай, Юль, я сам.

Ага, сам. Выглядит измученным, будто не юристом работает, а вагоны разгружал или в армии на плацу маршировал день и ночь.

Я быстро ретируюсь на кухню, раскладываю первое попавшееся блюдо на тарелку, сервирую вилку и нож, наливаю сок в стакан. Вот сделаю это и уйду. Не готова я сидеть за столом и слушать, как прошел Димин день. Вот уж точно это будет слишком.

— Тебе вставать завтра рано, а ты не хочешь спать? — подает голос с другого конца комнаты Дима. — Устала же. Иди. Я сам справлюсь.

— Ты выглядишь неважно. Я сейчас, быстренько.

Дима тихо смеётся, чем меня обезоруживает. Я оборачиваюсь, чтобы посмотреть на него.

— Что смешного?

— Помнишь, ты упала в бассейн, не умея плавать, а я тебя спас? Ты тогда заявила, что ты у меня в долгу. Можно вспомнить эти слова и взять оплату долга сейчас, чтобы отправить тебя уже спать?

— Ну... — воспоминания не очень приятно отозвались внутри.

— Прости, тебе не нравится об этом вспоминать? — напрягся в ответ Дима.

— Я с тех пор научилась плавать. Но да, ты прав. Я тебе должна, — нехотя признаю.

— Нет, слушай, я хочу, чтобы ты помогла мне добровольно. Нет желания принуждать к чему-то.

Дима пересекается со мной взглядом. В мягком свете кухонных ламп его глаза блестят.

— Я всё понимаю, — хрипло говорю, не в силах отвернуться.

— Мне всегда очень нравилась твоя игра на пианино. Скажу по секрету, я часто тайно слушал, как ты играешь в подвале.

— Вместо легендарных тусовок Артура? — удивляюсь я.

— Да, по мне, они были очень скучные. Ты правильно делала, что не ходила туда.

Как будто кто-то меня туда звал. Хотя большую часть жизни я туда и не стремилась. Это сперва мне казалось, что мы с Артуром и Элей можем подружиться, но они быстро объяснили мне, как жестоко я ошибалась. Особенно в этом преуспела сестрица.

Зато Дима всегда был другим. Красивый, отстраненный. Именно таким я представляла мистера Дарси из книги «Гордость и предубеждение».

Хотя в моих детских мечтах Дима представлялся в разных ролях, в зависимости от того, чем я увлекалась. Но Дима никогда об этом не узнает.

Глава 15

Я очень радуюсь, что всё-таки Тим ходит в школу, потому что у нас с Димой не хватает времени, чтобы позаниматься с ним. Если точнее, то в лицей. Элитный, естественно. С охраной, дипломированными психологами, которые разбирают любой конфликт, с заслуженными учителями, которые завышают оценки согласно родительской плате. Но хотя бы он видит сверстников, общается с детьми, контактирует с миром.

Когда росли мы, модно было переводить детей на семейное обучение.

«Чтобы не нахваталась блох и дурных привычек», — как говорила мама подругам, таким же жёнам обеспеченных мужей. Те кивали и тоже сажали своих детей дома под замок. Помню, что у одной такой подружки к сыну на дом даже тренер по плаванию приезжал. Специально для сына бассейн, который был на улице, куполом накрыли, отопление провели и трамплины оборудовали. Всё для сыночка. Только чтоб он в общем бассейне чего не подхватил. Да, не дай бог, не увидел простых смертных, не заразился от них нищетой.

Отчиму было всё равно на наше образование. Он пахал, в буквальном смысле слова, вкалывал без выходных. Но аттестаты по окончании каждого класса проверял да обещанные подарки дарил.

А мама так старательно пыталась забыть, что до встречи с отчимом мы жили с ней в однушке с бабушкой, питались одними дешёвыми макаронами и зашивали капроновые колготки.

Тогда моя мама говорила совсем другим своим подругам: «Для меня показатель достатка — это колготы. Капроновые колготы. Целые. Если их приходится зашивать, хоть стрелочку, хоть маленькую дырочку лаком заклеивать, то это нищета».

Мама смогла выбраться из нищеты. И колготы больше никогда не зашивала. Но тех подруг и человечность она где-то растеряла.

После длительных выходных особенно тяжело выходить на работу. Мне «повезло»: я почти полностью провела её на ногах, поэтому меня отпустили в шесть утра. Дима порывался меня подвозить, только все равно мы в графиках не совпадаем, поэтому я просто вызвала такси.

Уже зайдя домой, встречаюсь с ним в дверях. Всего лишь семь утра.

— Как ты? У тебя все хорошо? — сразу спрашивает Дима, накидывая пальто.

— Конечно, все просто отлично! — почти не вру я. Ведь все действительно хорошо, кроме... примерно ста пунктов. Издержки производства, так сказать. — Ты чего так рано?

— Работы много. Проследи, чтобы Тим в школу пошел. Буду сегодня поздно, окей?

— Угу, — бормочу я, ибо кто я такая, чтобы Диме что-то запрещать?

— Юля, — жалобно тянет Тим, стоило закрыться входной двери.

Подавляя эгоистичное желание упасть на кровать без задних ног, бреду к двери. Мальчишка лежит на кровати, и вид у него не очень.

— Кажется, я заболел, — бормочет Тим.

— Где искать градусник? — без энтузиазма отзываюсь я. Тим рассказывает, и я трачу еще с полчаса, чтобы выяснить, где в этом доме аптечка. По итогу, у Тима действительно температура, я разрешаю ему остаться дома и чудно спать весь день, чем сама мечтаю заняться.

Проснувшись около полудня, мы валяемся в кровати и смотрим мультики. Тим периодически засыпает у меня на плече, и в эти моменты я стараюсь не дергаться.

Этот день мог бы быть вполне сносным.

Если бы не еще одно маленькое “но” в женском лице, которое стучится в нашу дверь около пяти вечера.

— Специалист органа опеки по делам несовершеннолетних, мы пришли проверить, как поживает Тимофей, — чеканно представляется полненькая женщина совсем не примечательной внешности, когда я открываю дверь.

— С какой такой радости? — не удерживаюсь я, мысленно пытаюсь подобрать челюсть с пола.

Нам поступила жалоба, что ребенок не появился в школе, решили проверить, все ли в порядке, — равнодушно отвечает женщина, затем произносит неудобоваримое для моего мозга имя-отчество, где отметились родственники Чингисхана, жители Ближнего зарубежья, и завершается все это буквоблудство фамилией Ким. — Я могу пройти? — уперто спрашивает она, кажется, не первый раз.

Таким, как ты и Валерий Александрович, все равно не отказывают, поэтому коротко отвечаю:

— Проходите.

— Спасибо, — важно кивает дамочка, скидывает коричневые туфли-недолодочки и, прижав папку к груди, проходит в комнату.

— Тим заболел, я решила его оставить дома. Чего ж других детей заражать, — комментирую я.

Благо что Тим спит и действительно выглядит болеющим.

— Я должна проверить, соответствует жилье параметрам, подходящим ребенку? — ровно отзывается специалист опеки.

— Пожалуйста, — великодушно разрешаю я, указывая на дверь. — Только ребенка мне не разбудите.

Женщина что-то отмечает в своем планшете.

— Вы, я так понимаю, мачеха Тимофея.

— Да, это так. Если хотите спросить что-то прямо, так и спрашивайте, нечего юлить.

— Сами понимаете, когда ребенок растет в полноценной семье, это лучше для него. И мы рады, что Дмитрий принял такое решение. Однако не лучше ли мальчику жить с его родной мамой? — дамочка смотрит мне прямо в глаза. Ее черные зрачки утонули в радужке, и создается ощущение, что смотришь в глаза змее или в бездну.

Глава 16

— Мы вполне счастливы вместе, и у меня хорошо получается быть мамой, — отрезаю я.

— А это что за комната? — дамочка бесцеремонно врывается в комнату. — Ах, спальня. Родительская. Ясно. Игрушек здесь совсем нет.

Она осматривает все горящим взглядом. Думаю, будь у нее лупа, она бы каждую черточку рассмотрела и складочку на кровати.

— Могу воспользоваться ванной? — как бы невзначай роняет она, останавливаясь возле нужной двери.

Надо бы позвонить Диме и сказать, что Тим остается дома, но эта стерва на меня так строго смотрит, что звонить ему будет неуместно.

— Конечно, — растекаюсь в фирменной улыбке. — Только не здесь. Общая у нас в другом месте.

У дамочки дергается глаз, а я любезно скажусь, пока она идет на выход из спальни.

Мегера еще с полчаса ходит по квартире, водит жалом, заглядывает в шкафы с детской одеждой и на книжные полки, расспрашивает, чем Тим питается. Я с легкостью отвечаю на эти вопросы, может, и привирая, но уверенности мне хоть отбавляй.

В итоге, специалист опеки покидает нас, не разжившись интересными данными. Как только за ней закрывается дверь, меня пробивает мелкий озноб. Пальцы так и дрожат, как со времен бакалавриата, когда мы оперировали лягушек.

Что было бы, провали я этот экзамен, даже спрашивать боюсь. Но кто его мать такая, что органы опеки бегут по ее зову, стоило ребенку в школе не появиться?

Быстро набираю Диму. Он долго не берет трубку, но все-таки агонию моих мыслей прерывает его тенор.

— Что случилось?

— У нас были органы опеки, — выдыхаю я. Дима тяжело выдыхает, как будто готов разразиться очень нецензурными комплиментами. Поэтому я тараторю: — Все в порядке. Наверное.

Рассказываю все как есть. Дима молчит, потом выдает:

— Отсутствие Тима в школе ты должна была согласовать со мной.

— Я думала, ты в курсе, что у него температура! Ты же был дома! — перехожу на повышенный тон я. Нервы сдают, не иначе.

— Тем не менее. Каждое подобное действие несет за собой последствия, — холодно говорит Дима.

— Ты мог бы предупредить меня о подобном. Ах да, ты же все сказал, что я должна знать. Так что... я не чувствую себя виноватой.

— Поговорим дома, — быстро отвечает Дима и отключается.

Чувствую прилив злости, едва разбирая на кого именно. Пошла намыwać посуду, чтобы куда-то деть бурлящую внутри энергию.

Только вечером мы с Димой так и не поговорили: я банально засыпаю с включенным светом в чем была. Поэтому и утром Диму уже не застаю. Вот не замечала, чтобы он, как и я, сутками на работе торчал, должность не подразумевает.

Внутри так и свербит ощущение, что он что-то от меня скрывает.

Зато Тим чувствует себя лучше. Сегодня я разрешаю ему недолго прогуляться во дворе.

Хоть Тим не маленький, я решаю тоже выбраться на улицу и подышать свежим воздухом, пока он играет на спортивной площадке. Тем более во дворе у нас красивый фонтанчик. Это так успокаивает смотреть на воду.

Сегодня еще на удивление солнечно. Зажмуриваюсь, ловя последние теплые лучи.

Но злая осенняя туча забирает у меня солнце. Смаргиваю пелену, пытаюсь сфокусировать зрение и выбираю для этого спешащую в нашу сторону девушку. Она так быстро пересекает площадку по диагонали, что вскоре я могу тщательно разглядеть ее.

Тонкая фигура, развевающиеся на ветру прямые черные волосы. Брендовые очки на холеном лице.

— Эля? — выдыхаю я облачко пара.

Сводная сестра ровняется со мной, зло сдергивает очки с глаз.

— У меня мало времени, так что быстро говори, сучка, где мой сын. Я хочу его увидеть!
— шипит она.

— Кто? — единственное слово, которое смог сложить ошарашенный мозг.

— Тим, разумеется, — скалится Эля.

Глава 17

— А, так это ты, — фирменно скалюсь я, заталкивая шок и пан

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.